

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(НИУ «БелГУ»)

**СТАРООСКОЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

КАФЕДРА ФИЛОЛОГИИ

**СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
В ПОВЕСТИ В.П. АСТАФЬЕВА «ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН»**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование
профиль Русский язык и литература
заочной формы обучения, группы 92061367
Боршевцевой Ирины Владимировны

Научный руководитель
к.фил.н., доцент
Шубина Н.Г.

СТАРЫЙ ОСКОЛ 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Общеупотребительная лексика и лексика ограниченного употребления в русском языке.....	6
§ 1. Специфика художественной речи.....	6
§ 2. Лексические средства русского языка.....	8
2.1. Слово как основной элемент лексической системы.....	9
2.2. Общеупотребительная лексика и лексика ограниченного употребления.....	14
2.3. Диалектная лексика.....	16
2.4. Профессионализмы.....	22
2.5. Жаргонизмы.....	24
Глава II. Функционально-стилистические особенности лексики в повести В.П. Астафьева «Последний поклон».....	29
§1. Классификация диалектизмов, употребляемых в тексте повести В.П. Астафьева.....	29
1.1. Лексические диалектизмы как элементы художественного дискурса В.П. Астафьева.....	30
1.2. Семантические диалектизмы и их специфика в тексте повести.....	36
§2. Лексика разговорная и просторечная.....	39
§3. Профессионализмы и жаргонная лексика.....	41
§4. Работа с лексическими средствами лексики на уроках русского языка.....	42
Заключение.....	46
Библиографический список использованной литературы.....	49
Приложение.....	55

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике и сфере обучения отмечается смещение акцентов исследовательского внимания с изучения языка на изучение речи, что и определяет особый интерес к стилистике, которая давно и плодотворно занимается анализом функционирования языковых средств в тексте. Лексико-семантический и стилистический анализ текста отражает коммуникативно-деятельностный подход к тексту с точки зрения современной парадигмы лингвистического знания. Наибольший интерес в этом плане представляют процессы, происходящие в языке произведений художественной литературы: её язык во многом является отражением живой разговорной речи.

Несмотря на теоретическую разработку лексической стилистики, остается огромный пласт литературных произведений, особенно регионального плана, которые никаким образом не отражены в исследованиях лингвистов. В то же время рассказы, повести, сказки и другие произведения многих самобытных и профессиональных писателей отражают русскую разговорную речь, которая интересна, прежде всего, своей красочностью, яркостью, своим употреблением в контексте и некоторой степенью ненормированности. Художественный текст всегда являлся неповторимой образной системой, в которой взаимодействуют изобразительные и выразительные средства литературного языка и других форм национального языка. В этом и заключается актуальность и современность заявленной темы.

Состав лексики современного русского языка стилистически неоднороден. В зависимости от цели и темы высказывания, от сферы общения говорящей и пишущей выбирают из лексической системы языка слова, необходимые для данной ситуации. Слова, образующие в своей совокупности лексику современного русского языка, характеризуются определенной спецификой: они отличаются друг от друга по сфере употребления и по их стилистической принадлежности. Лексика

ограниченной сферы употребления, используемая в языке произведений художественной литературы, позволяет писателям и поэтам реалистично отражать действительность, повествуя о жизни деревни; в такой лексике писатели находят средства для стилизации художественного повествования, создания речевой характеристики героев.

Российская научная традиция исследования соотношения языка и культуры начинается с трудов М.В. Ломоносова, В.К. Тредиаковского, продолжается в работах А.Н. Афанасьева, А.И. Потебни, А.А. Шахматова, Г.О. Винокура, В.В. Виноградова и других вплоть до современных исследований.

Цель данной дипломной работы – рассмотреть специфику лексических средств, представленных в произведениях В.П. Астафьева.

Поставленная цель определила следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть теоретические основы исследования с помощью изучения научной литературы по теме исследования;
- 2) определить лексические средства анализируемого художественного текста и определить их лексико-семантические и стилистические особенности;
- 3) провести лингвистическое описание выявленных в художественном дискурсе лексем.

Объектом нашего исследования является язык рассказов В.П. Астафьева, составляющих повесть «Последний поклон».

Предмет исследования – лексические средства художественного текста: их функциональная специфика, стилистическая характеристика и художественная значимость.

Материалом для исследования послужили рассказы Виктора Петровича Астафьева, вошедшие в повесть «Последний поклон» (Москва: «Детская литература», 1989. – 352 с.), рассказывающей о детстве предвоенной и военной поры. Достоверный и эстетически выразительный язык и стиль произведения являются источником знаний о деревенском

прошлом. В «Последнем поклоне» автором осуществлена попытка приблизить слово письменное к устному, сохранить в литературном произведении непринужденность живых интонаций народной русской речи – как современной, так и старинной, - передать пестроту живого, ничем не стесненного словаря человека.

В основе нашей работы лежат следующие **методы** исследования: метод непосредственного наблюдения (работа с текстом), описательный метод (работа над словами, направленная на выявление их семантических и стилистических особенностей), метод лексико-семантического анализа слова (анализ значения слова в тексте), сопоставительный метод (при сравнении значения слов в русском языке и в исследуемых произведениях).

Выпускная квалификационная работа состоит из Введения, двух глав (теоретической и практической), Заключения, Библиографического списка использованной литературы и Приложения.

Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

§1. Специфика художественной речи

Каждое художественное произведение, являясь результатом образного познания и отображения реальной действительности художником, обладает силой рационального и эмоционального воздействия на читателя благодаря индивидуально-образному изображению мира писателем. Изображая действительность, писатель неизбежно отражает свое видение мира, свое к нему отношение, сочетает правду и вымысел. В свою очередь художественный смысл семантически зависим от языкового оформления, изменение которого влечет за собой либо разрушение конкретного художественного смысла, либо создание нового.

Именно поэтому отличительной чертой художественного текста и является содержание не только семантической, но и художественно-эстетической информации, которая реализуется только в пределах индивидуальной художественной структуры, т.е. конкретного художественного текста. При этом «носителями художественной информации в тексте могут быть любые его элементы, как уровня языка, так и уровня речи» [Звегинцев 1979: 60].

Примечательно также, что эмоциональным воздействием языковые элементы любого уровня обладают только в системе текста, в определенной текстовой структуре, где они выступают не изолированно, а во взаимодействии с другими языковыми элементами в определенном контексте, протяженность которого различна – от микроконтекста словосочетания до целого текста.

Также следует заметить, что для функциональной стилистики художественная речь – не столько форма, сколько средство передачи мыслей автора. Это один из видов речевого общения – общения в области эстетической. С этих позиций и следует в данном случае определять специфику художественной речи, и критерии определения специфики при

этом не могут совпадать с литературоведческим, хотя между тем и иным аспектом есть точки соприкосновения.

Если говорить о наиболее общих, «типовых» свойствах художественной речи, то «с функционально-стилистической точки зрения следует исходить:

- 1) из целей и задач общения в области искусства (литературы) как художественно-образного отражения мира; при этом необходимо учитывать назначение искусства как особой формы общественного сознания – удовлетворять эстетические потребности людей, что осуществляется благодаря воздействию художественных произведений не только на ум, но и на воображение и чувства читателей;
- 2) из характера своеобразия творческого мышления художника слова, т.е. мышления образного;
- 3) из специфики предмета и содержания искусства и, следовательно, предмета и «типа» содержания художественной речи» [Кожина 1966: 79].

Важным моментом является и то, что функционирование слова в художественном тексте и структура художественной речи зависят определенным образом от особенностей восприятия художественного произведения, что не может, хотя бы интуитивно, не учитываться писателем: если писатель хочет действительно быть понятым читателем, то для осуществления должного воздействия на читателя автору произведения необходимо так передать это слово, чтобы оно непременно «активизировало» воображение и чувства читателя. В.В. Виноградов писал: «Общение в художественно-эстетической области в полной мере может осуществляться лишь в том случае, если речь выразительна, образна, эмоциональна, если она будит воображение читателя, то есть, если она выполняет еще и эстетическую функцию» [Виноградов 1959: 122].

Исследователи отмечают, что слово в художественном произведении как бы двоятся: оно имеет то же значение, что и в общем литературном языке, а также добавочное, приращенное, связанное с художественным

миром, содержанием данного произведения. Поэтому «в художественной речи слова приобретают особое качество, некую глубину, начинают значить больше того, что они значат в обычной речи, оставаясь внешне теми же словами» [Солганик 2000: 197].

К особенностям языка художественной литературы следует отнести и необычайно богатый словарь. В лексике художественного стиля могут использоваться средства всех других стилей – и термины, и официальные выражения, и разговорные слова и обороты. Разумеется, все эти разнообразные средства подвергаются эстетической трансформации, выполняют определенные художественные задачи, используются в своеобразных комбинациях. Однако принципиальных запретов или ограничений, касающихся лексики не существует.

Таким образом, язык художественной литературы обладает сложной структурой, повторяющей в художественно трансформированной и обобщенной форме стилистическую структуру «общего» языка. Именно образность, художественная конкретность, а вместе с тем цельность восприятия и выражения мира являются специфическими признаками художественного произведения и важнейшими воздействующими средствами его на читателя.

§2. Лексические средства русского языка

Лексика любого языка представляет собой не простое множество слов, а систему взаимосвязанных и взаимообусловленных единиц одного уровня. Изучение лексической системы языка раскрывает интересную и многоликую картину жизни слов, связанных друг с другом разнообразными отношениями и представляющих собой «молекулы» большого, сложного целого – лексико-фразеологической системы языка.

Ни одно слово в языке не существует отдельно, изолированно от его общей номинативной системы. Слова объединяются в различные группы на основании тех или иных признаков. Так, выделяются определённые

тематические классы, куда входят, например, слова, называющие конкретные бытовые предметы, и слова, которым соответствуют отвлечённые понятия. Основанием для подобного объединения слов в группы служат не лингвистические характеристики, а сходство обозначаемых ими понятий.

Иные лексические группы формируются на чисто лингвистических основаниях. Например, лингвистические особенности слов позволяют сгруппировать их в части речи по лексико-семантическим и грамматическим признакам [Голуб 2004: 218].

Общезыковая система и лексическая, как её составная часть, выявляются и познаются в речевой практике, которая, в свою очередь, оказывает воздействие на изменения в языке, способствуя его развитию, обогащению [Розенталь 1995: 560]. Изучение системных связей в лексике является необходимым условием научного описания словарного состава языка. Решение теоретических проблем получает непосредственный выход в практику и при составлении разнообразных словарей, и при выработке литературно-языковых норм словоупотребления, и при анализе приёмов индивидуально-авторского использования выразительных возможностей слова в художественной речи.

2.1. Слово как основной элемент лексической системы

Большинство слов называют предметы, их признаки, количество, действия, процессы и выступают как однозначные, самостоятельные слова, выполняя в языке номинативную функцию (лат. *Nomination* – название, наименование). Обладая едиными грамматическими и синтаксическими значениями и функциями, эти слова объединяются в разряды существительных, прилагательных, числительных, глаголов, наречий, слов категории состояния. Лексическое значение у них дополняется грамматическими.

Лексическое значение слова, являясь элементом общезыковой системы, тем не менее, обладает достаточной самостоятельностью. Оно

имеет собственно семантические, т. е. присущие только ему, специфические свойства, например разные способы номинации предметов, понятий, явлений, признаков по характеру соотнесения с действительностью (прямое – не прямое, или переносное), по степени мотивированности (непроизводное – производное), по способам и возможностям лексической сочетаемости (свободные – несвободные), по характеру выполняемых функций (номинативные – экспрессивно-синонимические).

Лексическим значением слова называется закреплённая в сознании говорящих соотнесённость звукового комплекса языковой единицы с тем или иным явлением действительности [Розенталь 1995: 560].

Все предметы и явления действительности имеют в языке свои наименования. Слова указывают на реальные предметы, на наше отношение к ним, возникшее в процессе познания окружающего нас мира. Эта связь слова с явлениями реальной действительности (денотатами) носит нелингвистический характер, и, тем не менее, является важнейшим фактором в определении природы слова как знаковой единицы. Слова называют не только конкретные предметы, которые можно увидеть, услышать или осязать в данный момент, но и понятия об этих предметах, возникающие у нас в сознании [Кубрякова 1997: 280].

Лексическое значение слова, являясь элементом общезыковой системы, тем не менее, обладает достаточной самостоятельностью. Оно имеет собственно семантические, т. е. присущие только ему, специфические свойства, например:

- 1) разные способы номинации предметов, понятий, явлений, признаков по характеру соотнесения с действительностью, т. е. характеру связи значения слова предметом объективной действительности: Прямое – слово обладающее им, прямо указывает на предмет (явление, действие и т. д.), т. е. непосредственно соотнесено с понятием или отдельными его признаками (на пример: *нога, тёмный, нос*); Непрямое (или переносное) - называется такое значение слова, появление которого обусловлено

возникновением сравнений, ассоциаций, объединяющих один предмет с другим. Переносное значение появляется в результате переноса прямого (основного) обозначения предмета на новый предмет (на пример: *тёмная речь, ножка стола, нос корабля*);

- 2) по степени мотивированности: непроизводное – нематематическое, первичное (на пример: *земля, лес*); Производное – мотивированное первичным, исходным значением, являющееся вторичным (на пример: *земляной, землянка, лесной*);
- 3) по способам и возможностям лексической сочетаемости: свободные – слова, обладающие относительно большой сочетаемостью (на пример: *голова, скатерть, сказка*); Несвободные – слова, лексическая сочетаемость которых ограничена не только предметно-логическими отношениями, но и собственно языковыми (на пример: *крошечный – полный, абсолютно беспросветный*);
- 4) по характеру выполняемых функций: номинативные – такие значения слов, которые используются, прежде всего для называния предметов, явлений, качеств, действий и т. д. (на пример: *бессмысленность, лошадь, расплата*); Экспрессивно-синонимические – значение, в котором основным является коннотативный, или эмоционально-оценочный признак (на пример: *бессмысленность – ахинея, лошадь – кляча, расплата – возмездие, прижаться – прильнуть*).

Слова с такими значениями существуют в языке самостоятельно и отражены в словарях, однако воспринимаются в сознании носителей языка по ассоциации с их номинативными синонимами.

Слова, обладающие экспрессивно-синонимическим значением, как правило, несвободны в своих связях с другими словами. Многим из них свойственны синтаксически обусловленные значения.

Также многие слова имеют семантические оттенки, которые тесно связаны с тем или иным значением, но всё-таки отличаются от него [Фомина 2001: 415].

Стилистическое богатство лексико-семантического уровня обусловлено не только колоссальным числом входящих в него единиц, но и разнообразием их качества, а также сложной, многоярусной системой их стилистической организации. В пределах лексико-семантической области языка имеем, с одной стороны, единицы, обладающие единственным в своем роде значением и столь же конкретно-неповторимым стилистическим оттенком, с другой стороны, - отвлеченные, охватывающие многие сотни слов стилистические категории (окраски), не уступающие по своей абстракции многим синтаксическим категориям. Речь идет о таких видах экспрессивно-эмоциональной окрашенности, как "шутливое", "ироническое", "высокое" и др. Одни из таких оттенков придают слову положительную, другие - отрицательную окраску. Характер окраски может видоизменяться в зависимости от контекста и речевой ситуации [Бабенко 1983: 370].

Экспрессивно-эмоциональная окраска у слова возникает в результате того, что само его значение содержит элемент оценки:

1) функция чисто номинативная осложняется оценочностью, отношением говорящего к называемому явлению, а, следовательно, эмоциональностью. Такие слова, как *пустомеля*, *брюзга*, *разгильдяй* и т.п., уже сами по себе в своей семантике несут экспрессивно-эмоциональный заряд. Слова этой группы обычно однозначны; заключенная в их значении оценка настолько явно и определенно выражена, что не позволяет употреблять слово в других значениях. Эта лексика используется преимущественно в устно-фамильярной, сниженной речи: *лентяй*, *беспардонный*;

2) многозначные слова, которые в своем прямом значении стилистически нейтральны, однако в переносном значении наделяются яркой эмоциональностью, например, *тряпка* (о мужчине), *болото* (об общественной группе);

3) слова, в которых эмоциональность достигается аффиксацией, большей частью - суффиксами: *мамочка, грязнулька, бабуля*. Однако это явление не столько собственно лексическое, сколько словообразовательное;

4) замена фразеологизма словом или словосочетанием не может быть равнозначной: при такой замене исчезают нюансы значений, образы, эмоции - всё, что составляет семантико-стилистическое своеобразие фразеологизмов и делает их "мельчайшими поэтическими единицами языка". Сравните *кровь с молоком - здоровый; зарубить на носу - запомнить; плакать в жилетку - жаловаться*.

Совмещение в содержании фразеологических единиц номинативных и эмоционально-оценочных элементов позволяет носителям языка использовать фразеологизмы для передачи не только логического содержания мысли, но и образного представления о чем-либо, а через последнее - и для выражения эмоционального отношения к предмету мысли [Телия 2009: 270].

5) чистыми знаками эмоций являются междометия. Эти слова составляют совершенно особый слой лексики, поскольку у них нет предметно-логического значения. В междометиях сосредоточены все типические черты, отличающие эмоциональную лексику: синтаксическая факультативность, то есть возможность опущения без нарушения отмеченности фразы, отсутствие синтаксических связей с другими частями предложения; семантическая иррадиация, состоящая в том, что присутствие хотя бы одного эмоционального слова придает эмоциональность всему высказыванию.

Многие эмоциональные слова, а междометия в особенности, выражают эмоцию в самом общем виде, даже не указывая на её положительный или отрицательный характер. Значительной части междометий присуща четко выраженная эмоциональная окраска, что ограничивает их использование в определенных ситуациях общения.

Кроме отдельных междометий, как пишет Н.В. Скорик, существуют и междометные фразеологические единицы (МФЕ), через которые выражаются эмоции (например: *Вот тебе и на! Да ты что?! Вот это да! Вот дает! Да ну! Вот еще! Елки-палки! Тоже мне!*). МФЕ не могут сочетаться со словами или сочетаниями слов. Контекстуальная реализация МФЕ происходит путем соотнесенности [Скорик 2008: 139].

Являясь основной единицей языка, слово имеет функционально-стилистические характеристики, на основании которых определяются лексико-семантические разряды слов.

1.2. Общеупотребительная лексика и лексика ограниченного употребления

Язык современной развитой нации представляет собой сложную систему (или систему систем), в которую входят, с одной стороны, стандартная, обработанная, литературная разновидность данного языка, с другой — его диалекты, территориальные и социальные [Шанский 1981: 7]. Отличаясь друг от друга и от литературного языка рядом характерных черт фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики, все диалекты одного языка образуют целостное единство общих присущих им особенностей, благодаря которым язык в целом может быть противопоставлен всем другим языкам. Таким образом, употребляя термин «общенародный язык», обычно имеют в виду все то общее, что объединяет между собою литературный язык нации и все диалекты этого языка.

Лексика современного русского языка с точки зрения сферы своего употребления распадается на две большие группы. Одну образуют общенародные слова – общеизвестные и употребляемые всеми говорящими на русском языке, другую – слова, ограниченные в своем бытовании определенным говорящим коллективом, определенной диалектной или социальной средой [Шанский 1981: 98].

Общепонятная лексика представляет собой то лексическое ядро, без которого немислим язык, невозможно общение, ее составляют слова, являющиеся выражением наиболее необходимых, жизненно важных понятий. Общепонятная лексика – костяк общепонятного литературного словаря, необходимейший лексический материал для выражения мысли на русском языке, тот фонд, на базе которого в первую очередь происходит дальнейшее совершенствование и обогащение лексики. Подавляющее большинство входящих в нее слов устойчиво в своем употреблении и употребительно во всех стилях речи [Фомина 2001: 44].

Слова ограниченного употребления (не являющиеся общепонятным достоянием) характеризуют лишь какой-либо определенный говорящий коллектив, который предстает как территориально или социально определенная группа людей. Это – диалектизмы, профессионализмы и арготизмы.

Дифференцируя общепонятный и социально или территориально ограниченные пласты словаря, следует учитывать те изменения, которые постоянно в них происходят. Некоторые группы слов, бывшие ранее диалектизмами, профессионализмами или арготизмами, являются в настоящее время уже общепонятными словами. Это можно сказать о словах *чепуха*, *вобла*, *учесть*, *скостить*, *наверное*, *ерунда* и др., из которых первые два первоначально были диалектизмами, вторая пара вначале характеризовала лишь речь счетных работников, а два последних пришли в общепонятный словарь из арготизмов: картежного (*наверное* из «идти на верную») и бурсацкого (*ерунда* от лат. «герундий»).

И напротив, отдельные общепонятные слова могут, выходя из общего употребления или приобретая особое значение, становиться словами ограниченного употребления. К таким, например, словам, как отмечает Н.М. Шанский можно отнести диалектизмы *зобать* «есть», *брезг* «рассвет», профессионализмы *шапка* (в значении «заголовок, служащий общим заглавием нескольких статей»), *щека* (в значении «боковая, обычно плоская

часть чего-либо»), щека револьвера, арготизмы *подбросить* (в значении «подвезти»), *кол* (для обозначения неудовлетворительной оценки), *баранка* (в значении «руль»), *заморозить* (в значении «сделать анестезирующий укол») [Шанский 1981: 44]. Подвижность границ между лексикой общенародной и лексикой с ограниченной сферой использования свидетельствуют о непрерывном развитии и изменении русского словаря.

2.3. Диалектная лексика

Диалектная лексика – это такие слова, которые не входят в общенародную лексическую систему, а принадлежат одному или нескольким диалектам русского общенационального языка. Диалектная лексика является лексикой внелитературной, лексикой устной разговорно-бытовой речи какой-либо части русского народа, объединенной территориальной общностью [Шанский 1981: 45].

Диалектной (иначе областной) лексикой называют ту часть необщенародной лексики, которая является характерной принадлежностью речи населения какой-либо местности, области, района. Есть слова, употребляемые лишь жителями северных областей (Архангельской, Новгородской, Ярославской и др.). С большим количеством таких слов познакомили читателей А. Мельников-Печерский, Н.А. Некрасов, советские писатели – М. Пришвин, Б. Шергин, А. Яшин, Ю. Казаков, В. Белов, Ф. Абрамов. Таковы, например, слова *косуля* (соха) [СРНГ 1979, 15: 92], *елань* (топкое место на болоте; в других областях – поле, открытая равнина) [СРНГ 1972, 8: 336-337], *лава* (мостик) [СРНГ 1980, 16: 219] и др.

Диалектные слова, которые используются в художественной литературе, называют диалектизмами. Термин «диалектизм» включает в себя не только то, что относится к особенностям словарного состава того или иного диалекта или говора, но и то, что составляет его фонетическую словообразовательную или грамматическую особенность [Фомина 2001: 172]. Таковы, например, *мос* (мост), *Хведор* (Федор), *шманок* (щенок),

вясельй (веселый), *дочкя* (дочка) – фонетические диалектизмы; *тухлая мясо*, *свежая сено* (использование слов среднего рода как слов женского рода), *ходить*, *ругаить* (ходит, ругает), *(у) мене*, *(у) тебе* – грамматические диалектизмы; *однова* (однажды), *удильник* (удочка), *можжевель*, *можжуха* (можжевельник), *насилкой* (наильно) – словообразовательные диалектизмы [Русская диалектология 1989: 185].

Среди лексических диалектизмов, как отмечает М.И. Фомина [2001: 157], различают:

1. собственно лексические – слова, которые в литературном языке синонимы с иным корнем: *буерак*, *яруга* (овраг), *завируха* (метель), *баской* (красивый), *задергушка* (занавеска), *гребовать*, *хоромина* (дом);
2. семантические – слова, имеющие в данном диалекте, говоре, несвойственное общенародному употреблению значение. Так, например, слово *завистливый*, помимо значения «склонный к зависти», с которым оно известно в литературном языке, имеет в некоторых говорах значение «усердный». Это местное значение слова и есть семантический диалектизм. Семантическими диалектизмами являются и слова *жалеть* в значении «любить», *губы* в значении «грибы», *гроза* в значении «туча», *забавный* в значении «медленный» и др.;
3. этнографические – слова, называющие предметы и явления, свойственные быту, хозяйству лишь данной местности и неизвестные в других областях или чем-то специфическим отличающиеся от них: *пунька* (род чулана), *горлач* (высокий узкогорлый кувшин), *коты* (берестяные лапти или мягкая строченная обувь) и др.. Иными словами, этнографической диалектизм (или этнографизм) – это особое, местное название особой, местной вещи. Этнографизмы не имеют точного общенародного синонима, поэтому значение их можно передать лишь описательно;
4. фразеологические – устойчивые сочетания слов, известные в данном значении лишь в какой-то местности: *меру переломило* (терпение истощилось), *как волка съевши спит* (очень крепко), *как в соль сел*

(захирел, зачах), *сбить в горькое яблоко* (сильно избить), *в скуку упасть* (заскучать) и т.д.

Народные говоры, их вдумчивый и разносторонний анализ, позволяют увидеть полную картину литературного языка, в его прошлом и настоящем, так как литературный язык органически связан с живой народной речью. Говоры, представленные как макросистемы, конкретизируют представление о единстве русского национального языка, несмотря на наличие в нем местных разновидностей (говоров). Эту специфику отметил еще М.В.Ломоносов: «Народ российский по великому пространству расположенный, говорит повсюду вразумительным друг другу языком» [Цит.по: Русская диалектология 1989: 28]. Чем больше мы будем изучать живую народную речь, тем выше будем ценить ее достоинства, тем яснее станем понимать глубину ее смысла, ее красоту и своеобразие.

Русская народная речь разных областей России издавна, привлекала внимание не только лингвистов, языковедов-диалектологов, но и многих писателей, деятелей культуры – всех тех, кому был дорог народ, кто стремился проникнуть в суть истории народной жизни, кто интересовался судьбами русского языка. Так, четырехтомный «Толковый словарь живого великорусского языка», составленный Владимиром Ивановичем Далем, представляет русский лексикон первой половины и в середине XIX века, дает объяснение многим непонятым ныне народным словам, которые встречаются в песнях, произведениях писателей прошлых веков, рассказывающих о быте, нравах, обычаях русских людей.

Знакомясь с диалектами, изучая их, мы тем самым узнаем многое из того, что позволяет глубже понять историю развития русского языка, объяснить значения многих слов современного русского литературного языка. Это обусловлено тем, что диалекты подчас сохраняют те грамматические формы, слова, синтаксические конструкции, которые в настоящее время отсутствуют в литературном языке, но были характерны

для древнерусского языка или для русского языка более поздних периодов развития.

Диалектизмы, будучи употребленными в художественной литературе, осознаются как чуждые литературному языку и употребляются обычно в стилистических художественно-выразительных целях.

Все лексические диалектизмы находятся за пределами общенациональной литературной речи. Но это не означает, что между двумя лексическими системами – общенародной и диалектной – не было и нет никаких точек соприкосновения. Многие из того, что было диалектным, расширило сферу своего употребления, стало известным всему русскому народу, вошло в общенациональный литературный язык; многое из того, что до сих пор остается достоянием народных говоров, используется нередко в изобразительных целях в художественной литературе. К словам, пришедшим в литературный язык из диалектов, относятся, например: *аляповатый, нудный, хилый, мямлить, шумиха, подоплека* и другие [Русская диалектология 1989: 196].

Процесс обогащения общенародного литературного словаря за счет отдельных групп диалектных слов особенно интенсивным был в период складывания общенационального русского языка, в значительно меньшей степени он проявлялся позднее и проявляется в настоящее время.

Словарный состав русского литературного языка постоянно пополняется диалектными и так называемыми просторечными словами.

В отличие от диалектизмов, представляющих собой специфический пласт общелитературной лексики, занимающих в ней особое место, ряд диалектных слов, введенных в то или иное время (с разными целями) в общелитературное употребление, утратил отпечаток диалектности и воспринимается в настоящее время как принадлежность общелитературной речи, например, *валенки, вартушки, вареники*. В отличие от диалектизмов, помещаемых в толковых словарях современного литературного языка (и тем самым признаваемых частью литературной лексики, как отмечает

Н.М. Шанский) с пометой «областное» (и тем самым признаваемых особыми, стилистическими отмеченными элементами этой лексики), диалектные слова, о которых здесь говорится, не представляют в настоящее время каких – либо местных говоров. Если они и не являются стилистически нейтральными, их стилистическая значимость определяется в современной речи не характерологической ролью, но экспрессивными и экспрессивно-оценочными оттенками значения [Шанский 1972: 276]. Многие же из этих слов воспринимаются как вполне нейтральные, и то, что они проникли в литературный язык из местных народных говоров, устанавливается лишь на основании показаний старых словарей, отдельных замечаний в художественных произведениях и других данных. Например, глагол *шуршать* явно не воспринимается как диалектное слово. Между тем И.С.Тургенев, вводя слово в свой рассказ, берет его в кавычки и делает характерное примечание: *Камыши точно, раздвигаясь, «шуршали», как говорится у нас («Бежин луг»)*.

Из территориальных диалектов на протяжении XIX в. в литературный язык вошли такие слова, как *бесшабашный, бубнить, гадюка, голодовка, детвора, елозить, жулик, забористый* и ряд других [Шмелев 1977: 272].

Проникая из диалектов в литературную речь, некоторые слова изменяли свое значение. В ряде случаев вхождению диалектного слова в литературный язык предшествовало его распространение в просторечной среде, откуда оно наряду с другими элементами просторечной лексики проникало в язык литературы. С пометами «просторечное», «простонародное» фиксируются в словарях XIX в. такие слова, как *беднота, вызволить, выкрутасы, головотяп* и т.п. [Емельянова 2002: 46].

Закрепление слова в составе литературной лексики иногда сопровождалось тем или иным сдвигом в его семантике. В некоторых случаях этот сдвиг был весьма существенным, как, например, у прилагательного *обыденный*. В словаре 1847 г. значение этого слова определяется так: «построенный или совершенный в один день. Обыденная

церковь. Обыденный путь» [Цит. по: Ушаков]. В словаре Даля о прилагательном *обыденный* сказано: «однодневный, одноденный, суточный, об один день сделанный, одни сутки длящийся. Обыденная церковь есть в Москве и Вологде; по преданию они выстроены миром в сутки, по обету, после чумы или мора» [Даль 2005, II: 637]. При толковании прилагательных *обиходный, обиходливый* В. Даль заметил: «В последнее время многие, с чьей-то легкой руки, стали писать *обыденный* вм. *обиходный*, искажение крайне ошибочное» [Даль 2005, II: 585]. «Однако, - пишет по поводу такого употребления Ю.С. Сорокин, - это, очевидно, не было простым семантическим смещением народного слова на почве собственно литературной речи. Здесь перед нами, видимо, налицо влияние народно-разговорного же языка, но иной диалектной среды. Вероятно, употребление слова *обыденный* в смысле «обычный, повседневный» сложилось первоначально в московском просторечии. Изредка такое употребление отмечается уже в литературной речи 40-х гг.; с 60-х гг. оно становится общераспространенным» [Цит. по Семенов 2013: 81].

Приток диалектных слов в литературную речь продолжался и в XX в. В первые послереволюционные годы, как известно, чрезмерное увлечение некоторых авторов «местными речениями» вызвало протест со стороны многих деятелей культуры. «Если в Дмитровском уезде, - писал Горький, - употребляется слово «хрындуги», так ведь необязательно, чтоб население остальных восьмисот уездов понимало, что значит это слово... У нас в каждой губернии и даже во многих уездах есть свои «говора», свои слова, но литератор должен писать по-русски, а не по-вятски, не по-балохонски». («Письма начинающим литераторам», 1930 г.) Однако включение в литературный язык народных диалектных и просторечных слов осуществляется не только через произведения художественной литературы, например, все большую роль в их освоении играет газетная речь (различные виды очерка). Постепенно лишались примет диалектности, входя в общелитературное употребление, такие слова, как *баламут, глухомань,*

гостинец, доярка (вместо прежнего доильщица), *жатка, замшелый, окот, отгул, проран, путина, стан* (полевой стан) и ряд других.

Диалектное происхождение значительной части этих слов для большинства говорящих уже неощутимо, помета «областное», сопровождающая их, например, в «Толковом словаре русского языка» под ред. Н.Д. Ушакова, представляется устаревшей. Можно заметить, что в ряде случаев за счет диалектных слов удовлетворяется потребность в создании разветвленной системы обозначений производственных процессов и реалий, связанных с сельским хозяйством (ср. *доярка, жатка, косовица* и др.; ср. также возникшее на основе диалектного *пропашка – пропашные культуры*, на основе диалектного *теребить лен – теребильщик* и т.п.)

Один из путей проникновения диалектизмов в общеупотребительный язык – использование их писателями, изображающими жизнь народа, стремящимися передать местный колорит при описании русской деревни, создать яркие речевые характеристики деревенских жителей.

2.4. Профессионализмы

Слова ограниченного употребления характерны также для какого-либо определенного говорящего коллектива, который предстает как социально определенная группа людей.

Профессионализмы как слова, являющиеся принадлежностью речи определенного говорящего коллектива, объединенного какой-либо производственной деятельностью, специальностью или профессией (медицинских работников, полиграфистов, юристов и т.д.), обозначают специальные понятия, орудия или продукты труда, трудовые процессы производства. Поэтому их иногда называют специальными словами или терминами. Термин – это слово (или сочетание слов), являющееся официально принятым и узаконенным наименованием какого-либо понятия в науке, искусстве, технике. Например, химические термины – *аргентум*,

оксид, силикатирование; медицинские – *варикоз, менингит, флюс*; лингвистические – *акут, циркумфикс* и т.д.

В отличие от диалектизмов сфера употребления профессионализмов ограничена не территориально, а социально, при этом профессионализмы входят в состав лексики русского литературного языка.

Термины могут быть узкоспециальными и широкоупотребительными, общепонятными, например, *глинка* – высший сорт глины (каолин), употребляемый в ситцепечатании, и слова более широкого употребления, например, *кортик* – нож, холодное оружие и др. [Культура русской речи 2001: 193].

В ряде случаев сфера употребления тех или иных профессионализмов расширяется настолько, что они превращаются в общенародные слова. Это объясняется или широким распространением специального предмета или понятия, или метафорическим употреблением их для обозначения ранее не называемых ими предметов и явлений действительности.

Так, в нашу речь прочно вошли такие слова, как *комбайн, глобус, экран*, после того, как эти предметы стали необходимостью. В силу метафорического употребления стали общенародными слова: *аврал* – первоначально морская команда, *брожение* (ср. брожение умов) – первоначально биологический термин, *темп* (ср. темпы роста) – первоначально музыкальный термин.

Среди профессионализмов выделяются как слова, известные только в специальном употреблении, например, *троетес* (из словаря плотников) – длинный гвоздь, соединяющий сразу 3 тесины; *эстамп* – оттиск или снимок с гравюры, выплавок – кусок металла и т.п., так и слова, которые с другими значениями входят в состав общенародной лексики: *мостик* – место на палубе, откуда капитан командует кораблем; *шапка* – заглавие крупным шрифтом и т.д.

Профессионально-жаргонная лексика имеет сниженную экспрессивную окраску и употребляется только в устной речи людей одной профессии,

например, педагоги свободное время между занятиями в течение рабочего дня называют *окнами*. У профессионально-жаргонных слов, как правило, есть нейтральные, лишённые разговорного оттенка синонимы, имеющие точное терминологическое значение.

Профессионализмы употребляются в устной речи представителей определенных профессий, специальности и в научно-технической литературе.

Профессионализмы нередки в языке многотиражных, отраслевых газет (*осаживать вагоны после роспуска состава...*). Здесь специальная лексика для людей данной профессии является средством точного и лаконичного выражения мысли. Однако информативная ценность узкопрофессиональных наименований утрачивается, если с ними сталкивается не специалист.

Возможно употребление профессионализмов и в публицистике, и в художественной литературе, однако там они могут быть оправданы лишь как определенное стилистическое средство для изображения трудовой деятельности, и производственного пейзажа, для речевой характеристики персонажей.

2.5. Жаргонизмы

Жаргоном называют социальную разновидность речи, используемую узким кругом носителей языка, для объединения которых послужила общность интересов, занятий, положение в обществе. В современном русском языке выделяют молодежный жаргон, или сленг (*анг. stand* – слова и выражения, употребляемые людьми определенных профессий или возрастных групп), жаргоны профессиональные, в местах лишения свободы используется и лагерный жаргон.

Наибольшее распространение в наше время получил молодежный жаргон, популярный у студентов, учащейся молодежи. Как правило, жаргонизмы имеют эквиваленты в общенародном языке: *комп* – компьютер, *шпоры* – шпаргалки, *хвост* – академическая задолженность и т.д. Появление

многих жаргонизмов связано со стремлением молодежи ярче, эмоциональнее выразить свое отношение или состояние. Такие слова, как *балдеть, железно, ишачить, клевый, обалденный, потрясно, пахать, ржать* и т.д., не только выполняют номинативную функцию, но и передают коннотативную информацию о коммуникативной ситуации. Подобные слова распространены только в устной речи и нередко отсутствуют в словарях.

В лексиконе молодежи немало жаргонизмов, обозначающих оценку чего или кого-либо, выражающих отношение к чему - или кому-либо: *лабуда, пшено или пшенка, лажово* (о чем-либо отрицательном), *молоток* (положительная оценка разнообразных качеств и действий человека), *в порядке* (о чем-либо положительном, удачном), *до лампочки, до феньки* (безразлично, не трогает).

Молодежь, служащая в армии или недавно демобилизованная, называет гражданскую жизнь *гражданкой*, демобилизацию – *дембелем*; моряки и служащие во флоте употребляют слова «*отгрести*» (удалиться, уйти), «*травить*» (рассказывать о чем-либо маловероятном, привирать).

Есть свои жаргонизмы и у любителей различных игр. Например, играющие в лото «семь» называют *кочергой*, «одиннадцать» – *полочками*, «семьдесят семь» – *Семен Семенычем*, «девяносто» – дедушкой.

Свои жаргонизмы есть у любителей домино: *ехать, стучать* (пропускать ход из-за отсутствия нужных очков), *дуплиться* (выставлять косточку с одинаковым числом в обоих квадратах), забить *козла* (сыграть в домино).

Существуют также семейные жаргонизмы. Л.Н. Толстой в повести «Юность» писал следующее о сущности семейных жаргонизмов: «Между людьми одного кружка или семейства устанавливается свой язык, свои обороты, даже слова, определяющие те оттенки, которые для других не существуют. В нашем семействе, между папа и нами, братьями, понимание это было развито в высшей степени». В семье Толстых в ходу были такие жаргонизмы: *блехинизм* (стремление жить за счет труда других), «*для*

Прохора» (выражение употреблялось по отношению к действиям, предпринятым в расчете на то, чтобы поразить кого-либо; «*архитектор виноват*» (поговорка означала, что кто-нибудь старался свалить свою вину на другого) [Виноградов 1959].

Разновидностью жаргона является арго. Арго возникает в среде людей, которые хотят сделать свою речь непонятной для окружающих. Немало таких слов привел на страницах своего «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даль. Это: *костер* (город), *косать* (бить), *севяга* (собака), *нахиреги* (рукавицы) и пр.

Лагерный жаргон, которым пользовались люди, поставленные в особые условия жизни, отразил страшный быт в местах заключения: *зек* (заключенный), *испон* или *шмон* (обыск), *баланда* (похлебка), *вышка* (расстрел), *стукач* (доносчик), *стучать* (доносить) и т.п. Этот слой русской лексики еще ждет своего изучения, хотя в настоящее время он архаизируется.

Речь определенных социально замкнутых групп (воров, бродяг и т.п.) называется арго (фр. *argot* – замкнутый, недействительный). Это засекреченный, искусственный язык преступного мира (блатная музыка), известный лишь посвященным и бытующий также лишь в устной форме. Отдельные арготизмы получают распространение за пределами арго: *блатной*, *мокрушник*, *перо* (нож), *малина* (притон), *расколоться*, *шухер*, *фраер* и т.п., но при этом они практически переходят в разряд просторечной лексики и в словарях даются с соответствующими стилистическими пометками: «просторечное», «грубопросторечное».

Арготизмы, отличающиеся от профессионализмов, всегда представляют собой слова, являющиеся не основными, а параллельными обозначениями какого-либо явления действительности. Это значит, что рядом с ними всегда существуют синонимы общенародного употребления. Для арготизмов характерна яркая экспрессивно-стилистическая окраска, в силу чего эти функционально ограниченные лексемы имеют обычно более широкое распространение и легко переходят из того или иного арго в

просторечие, т.е. в общенародную разговорно-бытовую речь, не связанную строгими литературными нормами.

Основной группой арготизмов являются общенародные слова с особым, специфическим значением: *перо* (в значении «нож»), *малина* (в значении «притон»), *липа* (в значении «подделка»), *прошвырнуться* (в значении «пройтись») и т.д. Иногда арготизмами называются только слова воровского арга: *академик* (в знач. «тюрьма»), *шкет*, *жулик*, *фрайер* и др.; однако такое суженное употребление термина «арготизмы» является неверным [Шмелев 1977: 284].

В настоящее время, как и раньше (арго семинаристов, коробейников, прасолов, шестобитов, портных и т.д. в XIX в), имеется не только воровское арга (и, шире, арга преступного мира), но и другие, в частности школьное, студенческое арга и различные профессиональные арга. В них, и, прежде всего в арга школьников и студентов, происходят сейчас такие семантические и стилистические изменения и сдвиги, которые оказывают серьезное влияние на развитие состава и структуры живой разговорной речи.

Недостаточная изученность жаргонизмов и арготизмов, а также их подвижность в языке – миграции из одной лексической группы в другую – отражается и в непоследовательности их толкования составителей словарей. Так, в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова слово «засыпаться» в значении «потерпеть неудачу» - разговорное, а в значении «попасться, оказаться уличенным в чем-либо» - просторечное [Ожегов 1999: 192]. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова оно имеет пометы «просторечное», «из воровского арга» [Ушаков]. Кроме того, С.И. Ожегов к большинству жаргонизмов дает пометы, не указывающие на их генетические корни: *зубрить* – «заучивать бессмысленно» - «разговорное» [Ожегов 1999: 203], *предки* – «родители» - просторечное, шутливое [Ожегов 1999: 501]; *салага* – молодой, неопытный матрос – просторечное, шутливое [Ожегов 1999: 602].

Жаргонизмы и еще в большей степени арготизмы выделяются вульгарной окраской. Однако их лексическая ущербность объясняется не только стилистической сниженностью, но и размытым, неточным значением. Смысловая структура большинства жаргонных слов варьируется в зависимости от контекста. Например, глагол «кемарить» может означать «отдыхать», «дремать», «спать»; прилагательное «железный» имеет значения «надежный», «ценный», «прекрасный», «верный» и т.д. Поэтому употребление жаргонизмов делает речь не только грубой, непристойной, но и небрежной, нечеткой.

Возникновение и распространение жаргонизмов и арготизмов справедливо оценивается как отрицательное явление в развитии национального языка.

Писатели, журналисты иногда используют жаргонную и арготическую лексику как одно из средств речевой характеристики героя, показ особенностей и нравов той или иной среды. Так, использование Помяловским в «Очерках бурсы» бурсацких жаргонизмов, нередко подробно объясненных, помогало писателю передать мрачный колорит бурсацкой обстановки.

В целях речевой характеристики героев некоторые особенности речи современной молодежи (жаргонизмы) используются Д. Граниным, А. Рыбаковым, В. Аксеновым и др.

Однако введение такой лексики в произведение, помимо создаваемой экспрессии, выразительности, присущей многим жаргонным словам, могут вызвать негативное восприятие текста из-за ощутимого налета грубости.

Уместность жаргонизмов и аргонизмов в речи героя определяется тем, насколько реально, правдоподобно употребление жаргонных словечек и выражений в его устах.

Глава II. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ В ПОВЕСТИ В.П. АСТАФЬЕВА «ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН»

Основу произведений В.П. Астафьева, в том числе и повести «Последний поклон», составляет общеупотребительная лексика русского языка, которая не обладает специфическими функциональными характеристиками. В то же время, анализируя лексические средства в тексте повести, мы обнаруживаем большое количество лексем, характеризующихся либо ограниченной территорией употребления, либо стилистической спецификой.

§1. Классификация диалектизмов, употребляемых в тексте повести

В.П. Астафьева

В ходе исследования нами были рассмотрены диалектизмы, собранные путем сплошной выборки из текста повести «Последний поклон» В.П. Астафьева. На основании этого была проведена их классификация в соответствии с типами диалектизмов, определенными выше.

В художественном повествовании автором используются все известные типы диалектизмов: лексические, семантические, фонетические и грамматические.

Фонетические диалектизмы – явление, часто присутствующее в художественном тексте, потому что создание особого звучания, воспроизведение особенностей речи жителей сел и деревень не может обойтись без этих единиц, например: *ат* – вот (Бабушкин праздник), *оттеда* – оттуда (Монах в новых штанах: 114), *ись* – есть, кушать (Бабушкин праздник) и др.. Например, в рассказе «Бабушкин праздник», фонетический диалектизм создает эффект нелитературной речи:

«Сполоснувшись в реке, Кольча-младший сел за стол и крикнул в открытую дверь:

-- Тятя, ты чего ись-то не идешь! Ждем ведь!

-- Бу-бу-бу.

Дед бубнит в бороду, чего бубнит -- разбери попробуй! Наконец появился, строго и печально перекрестился на деревянную икону. Мы с Кольчей-младшим чистили картошки, стараясь не глядеть на него».

Или, например, восклицание *Восподи: «Восподи, баслови!»* (Ангел-хранитель: 164), – в котором слышится непринужденная речь пожилого человека. В этом выражении, зафиксированном в тексте повести, несомненно, отражена особенность устной разговорной речи с характерной для нее трансформацией звучащего слова. Однако в первом элементе, на наш взгляд, мы отмечаем произношение, характерное лишь для какой-то определенной местности.

К грамматическим диалектизмам в анализируемой повести нами отнесены такие формы, как *блюдя – соблюдая* («Что и делала бабушка, *блюдя* осторожность и выдержку» (Бабушкин праздник: 203)); *имя – им*, местоимените ‘они’ в форме дательного падежа («А я скажу *имя*: милые мои деточки, ударила ему моча в голову...» (Бабушкин праздник: 207)) *самуе – саму*, местоимение сама в форме винительное падежа («*Самуе* бы в печку шурунуть, дак хорошо?» (Гори, гори ясно: 234)).

В повествовании В.П. Астафьева диалектизмам фонетическим и грамматическим свойственна, прежде всего, художественная функция: создавая картины далекого прошлого, которое у писателя связано с Красноярским краем, Виктор Петрович воспроизводит не только предметы быта, уклад жизни, традиции, но и саму речь земляков.

1.1. Лексические диалектизмы как элементы художественного дискурса В.П. Астафьева

В тексте анализируемой повести было определено более 120 слов, которые могут быть классифицированы как лексические диалектизмы. К лексическим диалектизмам, представленным в тексте повести, нами были отнесены такие лексемы, как *абакша, батог, бастриг, блазниться, ботало, быстрина, выбучивать, выжига, вытронувшийся, гайно, заворина,*

заполошный, загинуть, жалица, куржаветь и другие. Например:

Абакша – пресноводный бычок. (Авт.) «Пищууженца, иначе говоря -- пищугу, в литературе подкаменищиком называют, а вообще -- пресноводный бычок это. На Урале его зовут *абакшей*, чаще – и совсем непечатно. Рыбу эту, сколь мне известно, нигде по доброй воле не едят - уж очень она отвратна на вид» (Ночь темная-темная: 147).

Блазниться – кажется, чудится. «Раз моя мать утонула, теперь всем родным *блазнится*, что я тоже утону: мать призовет» (Ночь темная-темная: 149).

Забереги – лед около берега. «На Енисее намерзали *забереги*» (Осенние грусти и радости: 128).

Торнуться – удариться. «... повалился я с воза, подскочил, во что-то головой *торнулся*, аж искры из глаз брызнули» (Запах сена: 42).

Чувяки – обувь. «Бабушка затолкала в котомку вязаные праздничные скатерти, отнесла их в город и променяла на хлеб. Потом дедушкин новый полушубок отнесла, потом свою, бережно, по деревенской традиции хранимую - для смертного часа - одежду: платье, чулки, платок, *чувяки* и нижнюю бязевую юбку» (Ангел-хранитель: 152).

Следует заметить, что диалектные слова представлены в тексте рассказов без дополнительных пояснений: автор органично использует их и в речи своих героев, и в повествовании, например:

«- Ты *катанки* сушить положила в печку?

-- Положила, положила, сти!

-- И Алешкины тоже?

-- И Алешкины. Сти!» (Запах сена: 40).

«Я глянул на вешалку – *дох* нету» (Запах сена: 42);

«В это время на улице забренчали *ботала*, требовательно и сыто *заблажили* коровы» (Монах в новых штанах: 223);

«Пока нашли мы с бабушкой в *жалице* заворину, *пообстрекались* оба» (Бабушкин праздник: 207);

При этом писатель не дает пояснений в тексте относительно тех или иных лексем: понимая ситуацию, читатель не всегда может растолковать слово. Лексическое значение некоторых единиц мы можем определить с помощью контекста, например, глагол *заблажить* воспринимается словом со значением ‘замычать’. В словаре же русских народных говоров глагол *заблажить* представлен как слово южнорусских говоров (курск., белг.) в значении «ублажить, задарить кого-то» [СРНГ 1972, 19: 258]. Возвратная форма глагола *заблажиться* характеризуется уже полисемией: 1) начать дуричь, сумасбродничать, 2) проявлять свой нор (уральск.) [СРНГ 1972, 19: 258]. В то же время однокоренной глагол *блажить*, являясь многозначным словом, функционирует в разных говорах как междиалектный синоним: Блажить – 1) сходить с ума, вести себя ненормально (вятск., арх., олонец., новг., пермск., том., краснояр. и др.), 2) иметь беспокойный, плохой характер (нижегор., самарск., калуж, пск.) // шуметь, кричать, плакать (волог., тверск., калужск.), 3) буянничать, безобразничать, недостойно себя вести (пск., вологодск., вятск., свердл.) [СРНГ 1966, 2: 311]. Опираясь на семантику слов, представленных в словаре русских народных говоров, мы иначе определяем характер значения фразы, представленной в художественном дискурсе В.П. Астафьева: *В это время на улице забренчали ботала, требовательно и сыто заблажили коровы.* – ‘коровы требовали внимания к себе, они не буянили, но, напоминая о себе, заставляли хозяев заняться дойкой’.

Также в текстах рассказов Виктора Петровича Астафьева, составляющих композицию повести «Последний поклон», мы встречаемся со словами, при определении значения которых требуется работа со словарем диалектной лексики. Например:

Торос. «Скоро наступит пора прорубать зимник – выйдут мужики с пешнями, топорами, вывезут вершинник и ветки, а там, где взъерошилась река, пробьют в **торосах** щель, пометят дорогу вехами...» (Гуси в полынье: 31).

Рассматриваемое слово мы находим как междиалектный синоним, представленный во многих северных говорах: *Торос*, м. 1. Торос . Лед около

морских берегов (арх., север, сиб.). 2. Чаще мн. Куски льда, появляющиеся перед ледоставом на реке или во время ее вскрытия (енис., том., среднеобск., иркут., арх., сиб., терск., мурман., олон., колым., якут. 3. Торо́с . Ледяная плавающая гора. Камч., Торо́са , мн. Плавающие льдины. Олон. и др. [СРНГ 2011, 44: 284-285].

В издании для детского чтения автор сам дает пояснения семантики некоторых лексических диалектизмов, например для слова *гайно* Астафьев указывает значение «беличье гнездо», возможно именно это значение характерно для родного говора писателя: *«Мы научили учителя копать и есть корни саранок, жевать листовничную серу, различать съедобные цветки и травы, отыскивать беличьи гайна...»* (Карсасиная погибель: 143).

В словаре диалектной лексики мы находим слово *гайно* в значении «гнездо, логовище зверя», функционирующее во многих севернорусских говорах. Причем этим словом именуют и гнездо птицы, и собачью конуру, и временное жилище [СРНГ 1970, 6: 99].

К лексическим диалектизмам могут быть отнесены и этнографизмы – слова, называющие различные реалии Красноярского края, родины В.П. Астафьева. Этнографизмами в повести «Последний поклон» можно назвать такие лексемы, как *заимка, застреха, квашня, котомка, ларь, сусек* и другие. Рассмотрим несколько примеров.

Заимка. Слово в русском языке является многозначным и имеет некоторую функциональную специфику: *Заи́мка*, - ж. 1. *Ист.* Занятие свободного участка земли при первоначальном заселении, а также и самый участок, занятый таким образом. || Место, расчищенное и обрабатываемое вдали от деревни и вне общественных пахотных земель. 2. *Обл.* Отдельная усадьба, промысловая хозяйственная постройка, а также небольшой поселок за пределами основного селения. *Тогда я жил на Урале, в деревне, точнее, на заимке, неподалеку от Чебаркуля.* С. Герасимов, Жизнь, фильмы, споры [СРЯ 1999, 1: 523].

В словаре русских народных говоров у рассматриваемой лексической единицы отмечают омонимию – 4 междиалектных омонима, функционирующие в разных говорах русского языка:

Заимка¹ 1. Загородный дом, дач. 2. Имение, поместье. 3. Летний поселок у рыболовной тони. 4. Небольшой поселок, где живут обычно во время сезонных работ. 5. Завод. 6. Участок реки, запруженный с двух сторон. 7. Ворота. 8. Часть поля или леса. 9. Место для выпаса скота в лесу. 10. Колхозный полевой стан. 11. Станция для перемены лошадей. 12. Вестовой, нарочный, на обязанности которого лежит подготовка лошадей, квартиры для войск или проезжающих. 13. Тот, кто заранее уведомляет о чем-либо: например, о приезде жениха смотреть невесту или о прибытии в село иконы

Заимка²: Занимание денег.

Заимка³. Зацепка, задирка.

Заимка⁴. Занятие, дело, работа [СРНГ 1974, 10: 103-104].

В тексте повести В.П. Астафьева слово *заимка* встречается в нескольких рассказах: *«Ястреб, перепуганный тем, что смиренный и молчаливый хозяин, стоя во весь рост в телеге, рычал, хлестал его вожжами, мчался в гору прытче племенного жеребца, по направлению к заимке, где оставалась еще наша избушка, не занятая сплавщиками, потому как стояла далеко от запани»* (Бабушкин праздник: 206); *«Особенно удался мне рассказ о том, как ловили мы с дедом карасей на озере и налимов на протоке, да еще о том, как новые штаны загубил на заимке* (Без приюта); *«Я тут же вспомнил дедову кружку на заимке, и зачастили капельки из моих глаз* (Конь с розовой гривой). При этом в контексте произведения мы не всегда можем определить семантику слова. Это обусловлено тем, что лексема не представляет трудности при употреблении в речи автора и является частью языковой картины региональной культуры.

Следует заметить, что в рассказах «Конь с розовой гривой» и «Бабушкин праздник» мы можем определить семантику рассматриваемого слова, чему способствует художественный контекст. Так, в рассказе

«Бабушкин праздник» слово используется автором в воспоминаниях о прошлой жизни: *«как на заимке работали и мать прибежит, бывало, на пашню, распушит и девок и парней за нерадивость, возьметса показывать трудовой пример – свяжет снопик-другой натуго и тут же мчится в село либо на соседнюю пашню, где тоже надо командовать, давать указания, но некому этим ответственным делом заниматься»* (Бабушкин праздник).

Семантический анализ слова позволяет выделить такие семы в слове *заимка*: “участок земли”, “предназначенный для земледельческих работ”, “достаточно большой, т.к. работает несколько людей”, “находится не в населенном пункте”. Наличие данных сем подтверждается и употреблением слова *заимка* в контексте рассказа «Конь с розовой гривой»: *«Дедушка был на заимке, километрах в пяти от села, в устье реки Маны. Там у нас посеяна полоска ржи, полоска овса и гречи да большой загон посажен картошек»*; *«Санька левонтьевский на нашей заимке – помогал дедушке в пашенных делах»*. Таким образом, мы можем дать толкование лексического диалектизма *заимка*, которым в родном говоре В.Ф. Астафьева называют земельный участок – «участок земли, выделенный семье (двору) для проведения земледельческих работ и расположенный недалеко от села или деревни».

Сусéк. В толковом словаре русского языка это однозначное слово имеет следующее толкование: *Сусéк, -а, м. Обл. Закром [СРЯ 1999, 4: 309]. Действительно, сусеком называют отгороженное место в амбаре для ссыпки зерна, муки и т.п.*

В повести «Последний поклон» слово встречается неоднократно: *«Бабушка толковала им насчет погребя, в котором надо подремонтировать сусеки»* (Осенние грусти и радости); *«...играли в прятки, заползали на брюхе под бревенчатый въезд к воротам завозни либо хоронились под высоким полом за сваями, и еще в сусеках прятались»* (Далекая и близкая сказка); *«Упряг этот отмечен двумя брюквами, лежащими по ту и по другую сторону продолговатого сусека»* (Монах в

новых штанах: 82). Контекст произведений не дает возможности определить семантику слова.

В диалектном языке слово *сусек* является многозначным [СРНГ 2008, 42: 297-298]. Одним из лексико-семантических вариантов слова является значение, известное и в литературном языке, – «огороженное место в амбаре, куда ссыпают зерно, муку и т.п.», встречающееся во многих русских говорах. При этом в словаре русских народных говоров для рассматриваемого слова отмечено и значение «отгороженное место в подполье для хранения картофеля» [СРНГ 2008, 42: 298]. В тексте повести встречается контекст, который позволяет определить в структуре слова и сему «для картофеля»: *«Ночь пройдет, утро наступит, из подполья картошку вытаскивать начнут – в сусеках вода появилась»* (Предчувствие ледохода).

Примеры употребления слова в тексте В.П. Астафьева позволяют дать такое толкование слову *сусек* в родном говоре писателя: «отгороженное место в амбаре, подполье или другом хозяйственном помещении для хранения рассыпающихся продуктов».

Лексические диалектизмы в тексте повести позволяют изобразить особенности жизни людей. Обладая определённой семантической структурой, часто даже более сложной, чем слово литературного языка, диалектное слово, которое представлено в художественном дискурсе, передает не только атмосферу диалектной речи, но и особенности мироощущения самого автора.

1.2. Семантические диалектизмы и их специфика в тексте повести

Семантические диалектизмы, являющиеся функционально ограниченными лексемами, представлены в тексте анализируемого произведения в большом количестве (более 30 единиц), например: *бабки, взъерошиться, зачать, колода, натывать, пойло* и др. Рассмотрим некоторые примеры.

Бабка. Слово *бабка* известно в литературном языке как омоним:

Бабка¹ 1. То же, что *бабушка*. || *Прост.* Старая женщина, старуха. 2. *Устар.* То же, что *повивальная бабка* (см. *повивальный*) [СРЯ 1999, 1: 54].

Бабка² Надкопытный сустав ноги у животных. || Кость этого сустава, употребляемая для игры. || *мн. ч.* (*ба́бки, -бок*). Игра, заключающаяся в сбивании такой костью других таких же костей, расставленных в определенном порядке [СРЯ 1999, 1: 54].

Бабка³. *Обл.* Несколько составленных определенным образом снопов хлеба, льна в поле [СРЯ 1999, 1: 54].

Бабка⁴. Распространенное название узла некоторых металлорежущих или деревообрабатывающих станков [СРЯ 1999, 1: 54].

В тексте повести мы встречаем слово *бабки* со значение «игрушки, делающиеся из костей крупного рогатого скота»: «*Ребятне приваливала долгожданная утеха – вареные кости ног, среди которых природа поместила бабки – панка и рюшку*» (Гори, гори ясно: 233). Контекст позволяет уточнить, что *бабками* называют не сами кости, используемые для игры, а игрушки, делающиеся из костей крупного рогатого скота. Причем у этих игрушек есть разновидности – *панок и рюшка*, слова, называющие эти разновидности игрушек, являются лексическими диалектизмами.

В диалектном языке омоним *бабка* функционирует в шести лексико-семантических вариантах, имеющих междиалектную полисемию [СРНГ 1966, 2: 20-25]. Это обусловлено развитием немотивированностью слова в современном языке.

Взъерошиться. В рассказе «Гуси в полынье» мы находим данный глагол словах автора: «*Скоро наступит пора прорубать зимник – выйдут мужики с пешнями, топорами, вывезут вершинник и ветки, а там, где взъерошилась река, пробьют в торосах щель, пометят дорогу вехами...*» (Гуси в полынье: 31). В контексте определяется семантика глагола – «подняться и создать большие неровности, вздыбиться».

Толковый словарь русского языка рассматриваемое слово отмечает как однозначное: *Взъеро́шиться, -шится; сов. (несов. взъерошивать и*

ерошиться). *Разг.* Взлохматиться, всклочиться. *Черные глаза у него вращались, усы взъерошились, он едва удерживался, чтобы рукоятью шашки не стукнуть оробевшего Сапожкова.* А.Н. Толстой [СРЯ 1999, 1: 170].

Следует заметить, что глаголы, представленные в тексте В.П. Астафьева и в словаре русского языка, семантически различаются. В словарь русских народных говоров глагол *взъерошиться* не фиксируется [СРНГ 1969, 4]. Можно предположить, что в тексте художественного произведения в семантической структуре слова развивается переносное значение, основанное на метафоре. Аргументов в пользу такой характеристики семантического своеобразия, на наш взгляд, является использование рассматриваемого глагола в другом рассказе с иным значением: *А ты? – взъерошился дядя Миша и передразнил ее на манер поросенка, морща нос: -- Хур-хур, хур-рры-ы-ы-ы... (Заберега).* Контекстуальное значение глагола *взъерошиться* обусловлено коннотацией, передающей эмоциональное состояние говорящего, – “возбудиться, начать нервничать, стать эмоционально неуравновешенным”.

Однако текст рассказа В.П. Астафьева передает особенности не только жизни, но и речи региона, где прошло детство писателя. Глагол *взъерошиться* передает меньшую степень тех неровностей, которые появляются на ледовой поверхности реки (в сравнении со словом *вздыбиться*). Для людей, живущих на реке, любые детали в состоянии природы, от которой всецело зависит человек, могут быть выражены с помощью слов. Поэтому характеристика слова *взъерошиться* как семантического диалектизма вполне оправдана, но требует дополнительных изысканий.

Натыкать. Данное слово является однозначным и имеет разговорный характер: воткнуть в каком-либо количестве [СРЯ 1999, 2: 408].

В тексте повести В.П. Астафьева рассматриваемое слово имеет значение «ударять, бить»: «*Я все едино тебя удозорю и натычу, и натычу*» (Ангел-хранитель: 408). В таком же значении анализируемое слово

представляет и словарь русских народных говоров, отмечается территорию его использования: *Натыкать*, сов., перех. и неперех. Побить, поколотить, намять (бока, шею и т.п.). Петровав. Олон., Свердл. Влад. [СРНГ 1985, 20: 239].

Семантический диалектизм *натыкать* мотивирован, так как значение корня *тык* связано с *действием*, направленным на объект и нацеленным на разрушение.

Семантические диалектизмы в художественном произведении выполняют не только номинативную, но и гносеологическую функцию: отражая особенности жизни региона, слова демонстрируют возможности и способности языка по развитию семантической структуры.

В настоящее время интенсивная работа по составлению диалектных словарей преимущественного дифференциального типа вновь сделало актуальным понятия диалектизма (прежде всего на лексическом уровне), выявила весьма тонкие отличия в семантике некоторых диалектных слов от «однозвучных» им слов литературного языка и тем самым позволила прочесть заново некоторые литературные тексты, наметив дополнительные контакты лексических систем говора и литературного языка. С этой точки зрения семантические диалектизмы, введенные автором в художественный текст, представляют несомненный интерес для многих исследователей.

§2. Лексика разговорная и просторечная

Создавая произведения о жизни людей, передавая особенности их жизненного уклада и мироощущения, писатель вынужден обращаться к средствам нелитературного языка, чтобы создать неповторимую атмосферу живой непринужденной речи. В этом и состоит функциональное назначение разговорной и просторечной лексики в художественном дискурсе.

Разговорная лексика представлена в тексте повести словами разных частей речи: глаголами (*брякнуть, блажить, измываться, ластиться, насадиться, надуть, нюнить, околеть, сбрындить, сулить, упреть,*

трескать), наречиями (*вдрызг, гужом, загодя, кряду, по наитию*), существительными (*дых, заводь, карачун, котомка, мазурик, мануфактура, межень, остожье, пестик, пойло, полати, подвода, ступа, туфта, уключина, хибарка*), прилагательными (*ядренный*). Разговорный характер приведенных лексем отмечает и толковый словарь русского языка. Рассмотрим несколько примеров.

Брякнуть. В словаре русского языка у данного слова отмечают несколько значений: 1. Производить шум, стук твердым, звенящим предметом. 2. Бросать, ронять, ставить, вызывая шум. 3. Неосторожно, некстати говорить то, чего не следует [СРЯ 1999, 1: 120]. При этом пометой 'разговорное' отмечены только производные значения.

В тексте повести у рассматриваемого слова определяется значение «сказать что-то лишнее»: «*Я тоже нервная, тоже могу лишнее брякнуть!*» (Бабушкин праздник: 207).

Гужом. Для данного слова отмечается полисемия: *Гужом, нареч.* 1) Конной тягой. *Возить гужом.* 2) Обл. Вереницей, гуськом [СРЯ 1999, 1: 120].

Текст рассказа «Фотография, на которой меня нет» реализует у наречия *гужом* значение «друг за другом»: «*Весь длинный зимний вечер школьники гужом ходили по деревне, гадали, кто где сядет, кто во что оденется и какие будут распорядки*» (С. 131).

Кряду – подряд, без исключения. [СРЯ 1999, 2: 142]. Это же значение определяется у рассматриваемого слова и в тексте В.П. Астафьева: «*Учителей уважают за вежливость, за то, что они здороваются со всеми кряду...*» (Фотография, на которой меня нет: 140)

Ядрёный. Слов в толковом словаре представлено в трех значениях, которые все имеют разговорный оттенок: 1) Хорошего качества, твердый, плотный. 2) Крепкого телосложения, здоровый. 3) Свежий, бодрящий. || Сильно действующий, крепкий, забористый. || Грубоватый, смачный, соленый (о словах, выражениях речи) [СРЯ 1999, 4: 779]. В повести

В.П. Астафьева слово *ядренный* используется во всех лексико-семантических вариантах.

«...*Чтоб капуста не перекисла, чтоб на зубу хрустела, чтоб ядреной была...*» (Осенние грусти и радости: 123): в данном контексте у слов определяется значение “хорошего качества, плотный”.

«*Алешка принес горсть белых рахитных червяков, на которых и нам-то смотреть не хотелось, не то что налиму – рыбе, любящей червяка ядрёного, наземного, и чем толще да змеистой, тем лучше*» (Ночь темная-темная): в семантике слова определяется сема ‘крепкий, большой’.

«*Я улепетнул за Собакинскую речку и оттуда строчил частушки одна ядреней другой*» (Заберега): в приведенном тексте рассматриваемого слово просматривается значение «крепкий, забористый, грубоватый».

Разговорные слова не только создают впечатление непринужденной речи, но и передают индивидуально-авторские характеристики, так как помимо номинативной функции им свойственна коннотация.

В текстах рассказов мы встречаем и примеры сниженной лексики, которая определенным образом характеризует социальный статус действующих лиц, их взаимоотношения, состояние человека. Например,

Сбодать - украсть. «*У кого-то левонтьевские сбодали жердь, наверно у нас*» (Конь с розовой гривой: 79).

Субчик – ребенок. «*У меня их сколько, субчиков-то было, а ничего, выросли и ваши вырастет.*» (Фотография, на которой меня нет: 140).

Функционально разговорные и просторечные слова способствуют не только созданию разговорного эффекта в тексте произведения, но и выражению тех эмоций, которые составляют основу повествования.

§3. Профессионализмы и жаргонная лексика

В повести В.П. Астафьева мы встречаемся с людьми, которые имеют разные профессии и заняты в разных сферах деятельности. Специфика профессиональной деятельности и ремесла людей находят отражение и в

специальной лексике. Поэтому в тексте представлены и профессиональные слова.

Бона – «Лодка налетела на головку сплавной боны и опрокинулась...» (Приворотное зелье: 156).

Животник – перемет (ср. рус.), подпуск (уральск.) в разных концах России названия у этой ловушки разные. «Я три дня подряд распутывал старый животник у рыбака Ксенофонта...» (Ночь темная-темная: 147).

Кибасья – поплавки на сетях. «Слышно, как бренчали кибасья сетей на сарае, как там довольно и возбужденно переговаривались мужики...» (Без приюта: 213)

Лопашни – от лопасть. 1. Широкий плоский конец чего-либо. 2. Гребная часть весла, судовых колес, гребных и воздушных винтов. «Мы с Алешкой сели на лопашни» (Ночь темная-темная: 152).

Оброть – недоуздок, узда без удил. «Кольча-младший держит обеих лошадей за оброты...» (Запах сена: 39).

Салик – бревна, сколоченные скобами или связанные проволокой. «В летнюю пору все наши селяне плавали на саликах – двух, трех или четырех бревнах, сколоченных скобами, либо связанных проволокой» (Ангел хранитель: 163).

Разграничение профессионализмов и профессиональных жаргонизмов требует дополнительного семантического анализа, так как в толковых словарях русского языка мы не всегда можем найти необходимые данные для лексико-семантического анализа.

§4. Работа с лексическими средствами лексики на уроках русского языка

Знакомство школьников со сложной системой стилей и стилистических понятий имеет большое значение для овладения ими выразительными ресурсами русского литературного языка. Усвоение основных стилистических понятий даёт школьникам более полное представление о

языке; они узнают, что языковые факты могут изучаться не только с фонетической, грамматической, лексической, словообразовательной точек зрения, но и сточки зрения их функционирования в определенных стилях и жанрах, то есть с точки их предназначения в речи. Стилистические умения обеспечивают познавательную культуру личности школьника, развитие логического мышления, памяти, воображения учащихся, овладение навыками самоанализа, самооценки.

Формирование стилистических умений должно строиться на понимании и усвоении изобразительно-выразительных средств языка, которые условно можно поделить на две большие группы: лексические средства и грамматические средства.

Лексические средства языка являются основным источником выразительности речи. Применение ряда особых средств, таких как эпитеты, метафоры, сравнения, метонимии, гиперболы позволяет повысить качество речи. Состав языка, представляя определенную систему, включает разные категории слов, которые связаны между собой различными отношениями, складывающимися на основе общих семантических признаков. Это служит основанием для выделения лексики в особый раздел школьного курса русского языка, изучаемый в 5-6 классах.

Изучение лексики в образовательно-познавательном аспекте обеспечивает системный подход в усвоении лексических понятий, позволяет знакомить учащихся со словом как единицей лексической системы, изучать грамматику на лексической основе, доказывать существование лексики с другими уровнями языка, а также создает необходимые условия для целенаправленного обогащения словарного запаса обучающихся.

Изучение родного языка в культуроведческом аспекте на уроках словесности предполагает обращение не только к текстам, демонстрирующим образцы эстетики совершенного пользования языком, но и к отдельным языковым фактам. Ценным с точки зрения дидактических возможностей материалом, помогающим школьникам осознать кумулятивную функцию

языка, а учителю организовать наблюдение над лингвоментальным богатством русской культуры, является диалектная лексика.

Для работы с лексическим материалом, обладающим спецификой, возможно использование различных педагогических технологий, как отмечает Е.В. Каунова [Каунова 2016]. Например:

1. Кластер - графический метод организации информации. Образовательный кластер - это изображение, которое способствует систематизации и обобщению материала. Он служит наглядной схемой. Многие считают кластер методом критического мышления. При изучении диалектной лексики ученикам можно предложить составить кластер на тему «Лексика с точки зрения сферы употребления».

Наглядно мы можем видеть, к какой сфере употребления относятся диалектизмы. Совместно с учителем этот кластер может быть дополнен другой информацией, например, выделяют севернорусские и южнорусские говоры и т. п.

С целью привлечения местного речевого материала можно предложить ученикам следующее задание: сделать подборку диалектных слов из предложенных словарей и оформить их в виде стикеров.

4. Просмотр видео или прослушивание аудиофайла сказки Бориса Шергина «Волшебное кольцо». Анализ фонетических особенностей северных говоров. Особенно интересным и познавательным этот материал будет тем ученикам, которые проживают в южном регионе страны.

5. Проектная деятельность. Метод проектов.

1) Записать речь своих родных (особенно бабушек или дедушек).

Какие слова, на ваш взгляд, можно считать характерными только для вашей местности? Проверьте себя по словарю русского литературного языка.

2) Какие знаете старинные ремесла, промыслы, распространенные в вашей местности? расспросите об этом ваших родных, знакомых, соседей. Все ли эти слова общеупотребительны? Проверьте себя по словарю русского литературного языка.

3) Какая лексика из природных явлений употребляется в вашей местности? Нет ли среди них слов, свойственных только вашей местности? Проверьте себя по литературному словарю.

4) Пользуясь «Толковым словарем живого великорусского языка» В.И. Даля, найдите такие слова, которые бытуют только в вашей местности, не являясь общераспространенными.

5) При чтении произведения местных авторов, определите, есть ли в этих текстах областная лексика, свойственная только вашему региону?

6) Составить словарь из диалектизмов при изучении творчества В.П. Астафьева.

При работе с обучающимися 6 класса может быть реализован урок по теме «Лексика» (Приложение II), в ходе которого возможно знакомство с региональным языковым материалом (лексическими и семантическими диалектизмами) и работа с фрагментом текста повести В.П. Астафьева «Последний поклон».

Задания, разработанные для учащихся, направлены не только для повторения пройденного материала на уроках русского языка, но и нацелены на исследовательскую деятельность и оптимизацию творческих способностей учащихся. Кроме этого, знакомство учащихся с особенностями местной речи необходимо для того, чтобы научить школьников различать в своей речи диалектное местное и общеупотребительное слово, тем самым способствовать овладению литературной нормой, так как это необходимо для выпускника средней школы.

Диалектная лексика обладает удивительной отражательной способностью, особым образом передавая характер взаимодействия человека с окружающим миром, в процессе которого происходит познание и оценивание мира, формируются ценностное сознание, ценностное видение мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Слова, его значение и функционирование в языке являются сложными и одновременно самыми важными не только лингвистическими, но и логическими, психологическими и философскими категориями, поскольку как единица языка слово непосредственно связано с основным вопросом о взаимоотношении мышления и языка, понятия и слова, и в нем отражено многообразие внутреннего мира человека и окружающей действительности. В современной лингвистике, развивающейся во многих направлениях, накоплен уже значительный опыт изучения лексического состава языка. Лексические единицы несут разные виды как экстралингвистической, так и собственно лингвистической информации, что лежит в основе выделения разных типов значения. В то же время дифференциация лексики, отражающая как актуальность и ограниченность употребления слов, создает определенные возможности использования слова как изобразительно-выразительного средства, передающего как условия и факты объективной реальности, так и субъективное восприятие событий, людей, чувств, отношений и т.п..

Анализ особенностей лексико-семантического построения художественного произведения предполагает обоснованное обращение к индивидуальному словарю писателя, включающему лексические единицы в их традиционном, общезыковом значении, в индивидуально-авторском переосмыслении и окказиональном проявлении. Специфика художественного идиостиля отчетливо проявляется в выборе определенных лексических единиц из всего многообразия словарного запаса языка или в создании совершенно новых, что позволяет установить соотношения между присущим национальному языку – общим и частным – характерным для диалекта отдельного носителя языка, автора художественных произведений.

В произведениях В.П. Астафьева отражена живая народная речь второй половины двадцатого века, и потому для лингвистических исследований

творчество этого автора представляет особый интерес. И в первую очередь это касается лексики ограниченного употребления: использование писателем диалектной лексики, разговорных слов и просторечий создает ощущение живой речи сибиряков.

Употребление диалектных слов в языке художественной литературы — один из путей их проникновения в литературный язык. В.П. Астафьевым диалектизмы в художественном дискурсе используются как выразительные средства — для речевой характеристики персонажей, для передачи местного колорита, для более точного, с точки зрения автора, названия некоторых вещей и понятий. Диалектные слова составляют значительную часть от общего числа лексики ограниченного употребления, используемой писателем. Диалектное слово естественно в астафьевском контексте, тождественно миропониманию писателя. Оно достоверно передаёт не только особенности народной речи, но и языковую картину людей того социального уклада и исторического времени, о котором пишет автор.

В художественном произведении диалектное слово под пером писателя не только отражает свои реальные характеристики, свою лингвистическую суть, но и служит транслятором региональной культуры, регионального «мировоззрения» на общенародное восприятие и осознание, благодаря чему региональное в культуре становится общественным, а диалектное слово может войти в фонд литературного словоупотребления. И с этой точки зрения одним из средств познания и живого говора, и местной культуры, и мастерства местных писателей, своеобразно отражающих эту культуру, является изучение диалектизмов и этнографизмов в художественных текстах разных территорий.

В ходе нашего исследования в тексте повести В.П. Астафьева «Последний поклон» мы выделили лексику, выполняющую специфическую функцию: являясь средствами ограниченной сферы употребления, диалектные слова, разговорно-просторечные единицы, профессионализмы выступают в текстах В.П. Астафьева как средства художественной

изобразительности и действенной эмоциональной экспрессивности. Диалектизмы необходимы были автору для создания эмоциональной атмосферы той среды, в которой родился и рос человек, для создания речевого образа человека определенного региона. Писатель в художественном тексте использует диалектизмы разных типов: лексические (*ботало, заплот, куржак*), семантические (*повилика, пойло*) лексико-словообразовательные (*дитенок, пользительная*), фонетические (*ослобонить, ковды*). Они выполняют разные функции в произведении. В целом, использование диалектных слов В.П. Астафьева делает повествование достоверным и реалистичным.

На протяжении всей истории русского литературного языка его лексика пополнялась диалектизмами, а, изучая диалектизмы, знакомясь с ними, мы можем глубже понять историю развития русского языка, объяснить значение многих слов.

Язык художественной литературы стилистически очень пестр, разнообразен. В лексику художественных произведений, в том числе и в рассказах В.П. Астафьева входят и слова, относящиеся к лексике устной речи, разговорные и др. Многие из них позволяют коротко и метко выразить отношение (чаще всего отрицательное) к какому-то человеку, явлению и т. п. Это ёмкие слова, которые не так-то легко заменить без потерь нейтральными по стилю синонимами. Используя семантику общенародных или диалектных слов, писатель реализует в художественном контексте повести «Последний поклон» их коннотативные возможности, передавая эмоциональное состояние героев и экспрессию той или иной ситуации.

Таким образом, В.П. Астафьев, используя в своих произведениях лексику ограниченного употребления, сумел воспроизвести реальную картину жизни человека из провинции и создать яркие, неповторимые образы истинно русских людей с их особой речью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

І. Научные труды:

1. Аксенко, О.В. Особенности языкового воплощения образа детства в произведениях В. Астафьева (на материале повествования в рассказах "Царь-рыба" и романа "Печальный детектив") [Электронный ресурс]/ О.В. Аксенко, Е.В. Сергеева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2017. – № 184. – С. 114-123. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32756640>.
2. Ахманова, О.С. Очерки по общей и русской лексикологии [Текст]/ О.С.Ахманова. - М.: Едиториал УРСС, 2004. – 296 с.
3. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного произведения / Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. – 194 с.
4. Байрамукова, А.И. Культурно–языковая взаимообусловленность [Текст]/ А.И. Байрамукова // Филология и культура: Материалы V междунар. науч. конф.19-21 октября 2005 года. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 290-292.
5. Башкова, И.В. Семантика слова "учитель" в художественном дискурсе В.П. Астафьева, В.М. Шукшина и В.Г. Распутина [Электронный ресурс]/ И.В. Башкова// Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей. –2018. Т. 9. – № 9. – С. 105-111. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32794686>.
6. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы [Электронный ресурс] / В.В. Виноградов. – М.: Гос. изд. худ. лит., 1959. – 654 с. – Режим доступа: <http://www.e-nasledie.ru/ras/view/person/publications>.
7. Голуб, И.Б. Стилистика русского языка [Текст]/ И.Б. Голуб.– М.: Айрис-пресс, 2004. – 448 с.
8. Городское просторечие: Проблемы изучения [Текст]/ под ред. Е.А.Земской – М.: «Азбуковник», 1984 - 282 с.

9. Емельянова, О.Н. О пометах с семантикой времени в толковых словарях [Текст] / О.Н. Емельянова // Русская речь. – 2003. - №1. – С.42 – 47.
10. Емельянова, О.Н. О соотношении понятий «пассивный словарный запас языка» и «устаревшая лексика» [Электронный ресурс] / О.Н.Емельянова// Речевое общение (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения). Специализированный вестник. – 2004.– №4. – С. 116-120 – Режим доступа: http://library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0070167.pdf
11. Емельянова, О.Н. Стилистические пометы в толковых словарях [Текст]/ О.Н. Емельянова // Русская речь – 2002. - №5. – С. 45 – 47.
12. Ерофеева, Е.В. Статус просторечия в современном русском языке [Текст]/ Е.В. Ерофеева // Русский язык сегодня. Вып. 2. Сб. статей – М.: «Азбуковник», 2003. – С. 434-443.
13. Каунова Е.В. Изучение диалектной лексики на уроках русского языка в современной школе [Электронный ресурс] / Е.В.Каунова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. – 2016. – С. 154 -157. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-dialektnoy-leksiki-na-urokakh-rus-yazyka-v-sovremennoy-shkole>.
14. Кожина, М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики [Текст] / М.Н. Кожина. – Пермь: Звезда, 1966. – 216 с.
15. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка [Текст]/ М.Н. Кожина – М.: Просвещение, 1993.– 224 с.
16. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи [Текст]/ В.Г. Костомаров // Русский язык в школе. –1998. -№1. – С.11-13.
17. Кубрякова, Е.С. Язык и знание [Текст]/ Е.С. Кубрякова. – М.: Издательство «Наука», 1997. –280 с.
18. Курносова, И.М. Диалектная лексика в художественной прозе XX века (на материале произведений И.А. Бунина, В.В. Вересаева, Е.И. Замятина) [Текст]: автореф. дисс.... канд. филол. наук/ И.М. Курносова - Воронеж,

1995. - 15 с.
- 19.** Курносова, М.М. К вопросу о вхождении областных слов в русский литературный язык [Текст]/ И.М. Курносова // Европейские языки: историография, теория, история, методика. Межвузовский сборник научных работ. Выпуск 3. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2002. – С. 69-73.
- 20.** Курносова, И.М. Диалектизмы в произведениях Е.И.Замятина [Текст]/ И.М. Курносова // Европейские языки: историография, теория, история, методика. Межвузовский сборник научных работ. Выпуск 1. – Елец: ЕГПИ, 2000.- С. 136-145.
- 21.** Луннова, М.Г. Семантико-стилистические особенности лексики современного русского языка (на материале "Толкового словаря современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия") [Текст]/ М.Г. Луннова, А.О. Горбунова // Педагогический институт им. В.Г. Белинского: традиции и инновации: Сборник статей научной конференции, посвященной 78-летию Педагогического института им. В.Г. Белинского Пензенского государственного университета. Под общей редакцией О.П. Суриной. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2017. – С. 113-116.
- 22.** Макарова, Е.А. Лексическая экспликация художественного концепта "Жизнь" в идиостиле В.П. Астафьева [Электронный ресурс]/ Е.А. Макарова // Новая наука: Стратегии и векторы развития. – 2017. Т.3. – № 4. – С. 84-90. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28948971>.
- 23.** Нефедова, Е.А. Экспрессивная лексика языковой (диалектной) личности и аспекты ее лексикографического описания [Текст]/ Е.А. Нефедова // Русский язык сегодня. Вып. 2 Сб. статей. – М.: «Азбуковник», 2003. – С. 189-201.
- 24.** Оссовецкий, И.А. Лексика современных русских народных говоров [Текст]/ И.А. Оссовецкий. - М.: Наука, 1982.- 198 с.
- 25.** Падерина, Л.Н. Диалектная речь как средство нравственной характеристики персонажа (на примере повествования В.П. Астафьева "Царь-рыба") [Электронный ресурс]/ Л.Н. Падерина // Эпоха науки. –

2017. – [№ 12](#). – С. 202-207. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30784599>
- 26.** Плотникова, А.А. Диалектный словарь — энциклопедия крестьянской жизни [Текст]/ А.А. Плотникова// Русская речь. - 1990. - №5. - С. 119 - 123.
- 27.** Ревенко, И.В Реализация составляющих концепта "Дом" в "последнем поклоне" В.П. Астафьева [Электронный ресурс]/ И.В. Ревенко // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. –2017. – № 4 (42). – С. 168-177. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30736128>.
- 28.** Розенталь, Д.Э. Современный русский язык [Текст]: Учеб. пособие/ Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова – М.: Междунар. отношения, 1995. – 560 с.
- 29.** Русская диалектология [Текст]/ Под ред. проф. Н.А. Мещерского. – М.: Высшая школа, 1972. – 303 с.
- 30.** Русская диалектология [Текст]/ Под ред. Л.Л.Касаткина. – М.: Просвещение, 1989. - 224 с.
- 31.** Русская диалектология [Текст]/ Под ред. В.В.Колесова. – М.: Высшая школа, 1990.- 207 с.
- 32.** Скорик, Н.В. Вербализация эмоций в художественном произведении [Текст]/ Н.В. Скорик// Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. – 2008. – №8. – С. 139 – 146.
- 33.** Смирнова, Г.В. Особенности употребления цветообозначения "черный" в произведениях В.П. Астафьева [Электронный ресурс]/ Г.В. Смирнова // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей. – 2016. – Т.7, № 7. – С. 93-97. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25802923>.
- 34.** Современный русский язык: В 2-х ч. [Текст]/ Под ред. Д.Э. Розенталя. – М., Высшая школа, 1976.
- 35.** Солганик, Г.Я. Стилистика текста [Текст]: Учеб. пособие/ Г.Я. Солганик – М.: Наука, 2000. – 256 с.

36. Трубинский, В.И. Русская диалектология: Говорит бабушка Марфа, а мы комментируем [Текст]: Учеб. пособие/ В.И. Трубинский - СПб.: «Академия», 2004. - 208 с.
37. Туманян, Э.Г. Язык как система социологических систем: Синхронно-диахроническое исследование [Текст]/ Э.Г. Туманян. – М.: Наука, 1985. – 386 с.
38. Фомина, М.И. Современный русский язык. Лексикология [Текст]/ М.И. Фомина. – М.: Высшая школа, 2001.- 415 с.
39. Хисамова, Г.Г. Речевое поведение героев рассказов В.М.Шукшина [Текст]/ Г.Г. Хисамова // Русская речь. – 2004. – №4. – С.48-52 .
40. Хисамова, Г.Г. Языковая личность в аспекте этностилистики (на материале художественной прозы В.П. Астафьева и В.М. Шукшина) [Электронный ресурс]/ Г.Г. Хисамова, С.Р. Ишмуратова // Филолого-коммуникативные исследования. – 2016. – № 3. – С. 40-49. – Режим доступа : <https://elibrary.ru/item.asp?id=29004784>.
41. Черникова, Н.В. Переориентированная лексика [Текст]/ Н.В. Черникова // Русская речь. – 2002. – №2. – С. 42.
42. Шанский, Н.М. Современный русский язык. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография [Текст]/ Н.М. Шанский, В.В. Иванов. – М.: Просвещение, 1981. – 191 с.
43. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка [Текст]/ Н.М. Шанский. – М.: «Просвещение», 1972. – 327 с.
44. Шмелев, Д.Н. Современный русский язык: Лексика [Текст]/ Д.Н. Шмелев. – М.: Просвещение, 1977 – 335 с.
45. Юн, Лю. К проблеме квалификации просторечной лексики в толковых словарях русского языка [Текст]/ Юн Лю// Филологические науки. – 2002.– №6. – С. 86 – 92.
46. Ярбилова, Д.М. Семантико-стилистические функции антонимов в современной аварской женской поэзии [Электронный ресурс]/ Д.М. Ярбилова // Филологические науки. Вопросы теории и практики.

2017. – №11 (77) в 3-х ч. Ч.3. – С.201-206. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantiko-stilisticheskie-funktsii-antonimov-v-sovremennoy-avarskoy-zhenskoj-poezii>.

II. Список использованных словарей и их сокращений:

1. Большой фразеологический словарь русского языка [Текст]/ Отв. ред. В. Н. Телия– М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. Телия
2. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е изд. [Текст] / В.И. Даль. – М.: Русский язык. Медиа, 2005.
3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Текст]/ С.И Ожегов, Н.Ю. Шведова - М.: Азбуковник, 1999.
4. Словарь русских народных говоров [Электронный ресурс]/ Под ред. Ф.П.Филина, Ф.П. Сороколетова – М.-Л., СПб: Наука, 1965 – 2002. В. 1-35. – Режим доступа: <http://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng.html> –СРНГ.
5. Словарь русского языка: В 4-х т. [Электронный ресурс]/ Под ред. А.П.Евгеньева. – М.: Русский язык, 1999.– Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp>. – СРЯ
6. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Д.Н. Ушаков – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/>.

III. Список источников:

1. Астафьев В.П. Конь с розовой гривой. Рассказы [Текст]/ В.П. Астафьев. – Воронеж: Центрально-черноземное книжное издательство, 1968. – 200 с.
2. Астафьев, В.П. Повести. Рассказы [Текст]/ В.П. Астафьев. – М.: Дрофа: Вече, 2002. – 512 с.
3. Астафьев, В.П. Последний поклон: Повесть / книга I с изменениями [Текст]/ В.П. Астафьев. – М.: Дет. лит., 1983. – 286 с.
4. Астафьев, В.П. Последний поклон [Текст]/ В.П. Астафьев. – Режим доступа: <http://lib.ru/PROZA/ASTAFIEW/poklon.txt>

ПРИЛОЖЕНИЕ I. Словарь диалектной лексики, представленный в тексте повести В.П.Астафьева «Последний поклон»

Лексические диалектизмы

Абакша – пресноводный бычок. (Авт.) *«Пищууженца, иначе говоря -- пищугу, в литературе подкаменищиком называют, а вообще -- пресноводный бычок это. На Урале его зовут абакшей, чаще – и совсем непечатно. Рыбу эту, сколь мне известно, нигде по доброй воле не едят - уж очень она отвратна на вид»* (стр. 147).

Бастриг – задвижка ворот. *«Тетка Авдотья бочонок с омулем катнула на улицу, шляпу с Терентия содрала, затоптала ее ногами, ворота заложила на бастриг и занавески на окнах задернула»* (стр. 205).

Батог – 1. Палка, толстый прут для телесных наказаний в старину. 2. Палка, трость. *«Возвратилась бабушка вечером с черемуховым батогом в руке»* (стр.158).

Ботало — коровьи рога (ботать — бить лбом, колотьяся). *«За городьбой, в лугах, гулко билось коровье ботало»* [2: 45] ; *«В это время на улице забренчали ботала, требовательно и сыто заблажили коровы»* (стр. 23)

Бочажина – ы, ж. Специально выкопанная и заполненная водой яма. *«В бочажине застревали щурята, похожие на сладкий ножик, и гольяны, проспавшие отходную во дотечь»* [2:7]. *«За полосой густо идущего в рост овса возле дороги была продолговатая бочажина»* (стр. 107).

Быстрина – проточное место. *«В уловах и заводях они широкие, на быстрине – узкие, в трещинах»* (стр.31)

Вершинник – сухие ветки и сучья деревьев. *«Скоро наступит пора прорубать зимник – выйдут мужики с пешнями, топорами, вывезут вершинник и ветки, а там, где взъерошилась река, пробьют в торосах щель, пометят дорогу вехами...»* (стр.31)

Вилок – кочан капусты. *«Я только спросить хотел, когда убирать»*

вилки?» (стр. 118)

Выбучивать – заливать кипящей водой для набухания. *«Я тут же вспомнил, что на дворе поздняя осень и настало время бочки и кадушки выбучивать»* (стр.118)

Выжига – ругательное. *«Ну не бес ли? Не выжига?»* (стр. 167)

Вытронувшийся – проросший, поднявшийся. *«Бабушка завела квашню, намешала в муку мерзлых картошек, мякины..., а когда отстряпалась, половину плоских караваев, не вытронувшихся из-за примеси, засунула в котомку»* (стр. 157)

Гнилушки – игрушки. *«Иди тогда с мультками играй в гнилушки.»* (стр.240)

Голики – валенки. *«Доцветали боярки, подсоченные сосенки, березы, которым выпала доля расти по соседству с селом и поэтому обломанным зимою на голики»* (стр. 96)

Горница – ы, ж. Комната в избе. *«В глубине горницы отдаленно орала старческим треснутым голосом Лидка»* [2: 49]. *«Санька находился среди ребятни, которая стояла на головах в горнице и в средней.»* (стр.123)

Дрожьмя (дрожит) – сильно дрожит. *«Домовой в мохе весь, серый, дрожьмя дрожит – студено ему»* (стр. 72)

Завалинка – и, ж. Основание, служащее опорой для стен здания: фундамент. *«Дом мальчика стоял лицом у реке, зависая окнами и завалинкой над подмытым крутоярем»* [2:7].

Завертки – элемент саней. *«Скоробились сыромятные завертки, порыжели полозья.»* (стр. 140)

Заворина – колышек, на который закрывали ворота. *«Пока нашли мы с бабушкой в жалице заворину, пообстрекались оба»* (стр. 207)

Загинуть – пропасть. *«А ты, старый, куды смотрел? А если бы загинул ребенок?»* (стр. 111)

Заимка – земельный участок, занятый кем-нибудь по праву первого владения, обычно в один двор, вдали от других пахотных земель. *«Ястреб...*

мчался в гору прытче племенного жеребца, по направлению к заимке» (стр.206)

Займище – пастбище. «Пикетный пост... располагался на займище, верстах в полутора от села.» (стр. 149)

Замет – поставить сети. «Под вечер мужики... отбыли на двух лодках к острову, чтобы от приверхи его сделать первый замет сетей.» (стр. 215)

Заплот – а, м. Плотный забор из досок. «Высокие сибирские заплаты, а где и ворота свалили на дрова - жизнь сделалась открытой» [2:41]. «Чаще всего мы собирались у платоновского заплота или возле мангазины, потому как здесь раньше обнажались проталины» (стр. 238)

Заполошный – суматошный, беспокойный, взбалмошный. «Но и при такой малой сумме заполошная Васенья умудрялась обсчитаться на рубль, а то и на тройку».(стр.66)

Зарод – а, м. Появившийся на свет. «Зарод хорошо зачесан сверху и даже прикрыт пластушинами корья» [2: 67].

Застреха – край крыши у основания. «Плишки почикивают, осы под застрехой гудят, бревна вперегонки по воде мчатся» (стр. 115)

Зауросить – капризничать, вести себя строптиво. «Зауросит, бывало, машинка, нитки рвать станет, или вовсе шить откажется.» (стр. 153)

Захрястнуть – застыть. «...потом, когда захрястнет студень – отрад души, накормить им семейство, угостить дорогую соседку Катерину Петровну, деда Илью, чтобы они похвалили за умение и ловкие руки.» (стр. 235)

Зорить – разорять. «Вспоминали: то как укусил Васю уросливый Карька, то как зорили птичьи гнезда...» (стр. 212)

Зубатиться – браниться. «Это тебе не с теткой Василисой зубатиться, либо с бабушкой моей, Катериной Петровной.» (стр. 106)

Испод – а, м. Ночная рубашка. «Они и цветом, и фигурой под свеклу обрядились, но все одно не обмануть им глазу человеческого, с исподу гмень – в пыльце оне седой» [2: 30].

Кака язва – почему. «*И как ты язву босиком по мокрому полу шлендаешь?*» (стр. 118)

Карачун – внезапная смерть. «*Был бы Саньке карачун, да надеялся он рубахой на сук, и ладно, что швы у рубахи крепкие оказались, удержали его.*» (стр. 99)

Катанки – (катанцы, мн, катанок, катанец). Валенки. «*Есть же на свете такая обувь – катанки!*» [1: 26].

Качалка – и, ж. Колыбель, зыбка. «*Августа... выхватила из качалки Лидку и, как коня, начала дубасить ее кулаком*» [2: 50].

Квашня. С помощью этого слова в русских говорах выражают разные понятия: 1. деревянная или глиняная посуда для заквашивания теста; 2. забродившее тесто, опара; 3. о неповоротливом вялом человеке.

В повести В.П. Астафьева у слова определяется значение «опара»: «*Бабушка завела квашню, намешала в муку мерзлых картошек, мякины..., а когда отстряпалась, половину плоских караваев, не вытронувшихся из-за примеси, засунула в котомку*» (стр. 157)

Котомка – дорожная сумка, носимая за плечами. «*Бабушка ... половину плоских караваев, не вытронувшихся из-за примеси, засунула в котомку*» (стр. 157)

Кринка – высокий глиняный сосуд, с широким горлом для молока. «*Бабушка занималась своими делами, гремела кринками ничего не слышала*» (стр. 42)

Крутояр – крутой, обрывистый берег. «*Мы спускаемся по крутояру на Енисей...*» (стр. 38)

Куржаветь – (от куржак) покрываться инеем. «*От пара куржавеют каменистые выступы быка, кустики, трава и сосенки, прилепившиеся к нему, обрастают толстой бахромой...*» (стр. 32)

Куржак – а,м. Иней, мороз. «*Пофыркивают лошаденки мохнатыми от куржака мордами*» [2: 47]. «*В подвале земляная, могильная тишина, по стенам плесень, на потолке сахаристый куржак*» (стр. 82)

Куть – и, ж. Часть избы сбоку от входной двери между стеной и русской печью. «*В кути никого не было, но очень тепло было в кути...*» [2: 48].

Лампасейка – конфета монпасье. «*Никаких лакомств, никаких лампасеек больше в сундуке бабушки не хранилось*» (стр. 155)

Ларь. Слово в русском языке известно в нескольких значениях:
1. Большой деревянный ящик для хранения разных вещей, продуктов. 2. Ларек, торговая палатка. 3. Ящик, желоб.

В повести у слова определяется значение «деревянный ящик для хранения продуктов»: «*Я пробрался тайком в кладовку, вынул из ларя калач и принес его Саньке под рубахой*» (стр. 73)

Лафтак – лоскут, полоска кожи. «*... звонкий топор, который я недавно лизнул, будто сахар, и оставил на нем лафтак языка*» (стр. 40)

Ледостав – замерзание рек, озер, образование сплошного неподвижного ледяного покрова. «*Ледостав на Енисее наступает постепенно...*» (стр. 31)

Лешак (понеси лешак!) - ругательное. «*И понеси лешак! – с прежним накалом в голосе крикнула бабушка*» (стр. 206)

Лихотить – тошнить. «*Санька сказывал – сначала только с картошек лихотит, потом ничего...*» (стр. 155)

Лупцевать – бить, стегать, лупить. «*Авдотья то забросит и дом, и девок, не кормит их, не поит, лупцует ухватом или клюкой, обзывается*» (стр. 204)

Мангазина – магазин. «*Чаще всего мы собирались у платоновского заплота или возле мангазины, потому как здесь раньше ойнажались проталины*» (стр. 238)

Марок – а, м. Мрак, «*...комар своего тоже не упустит, к вечернему мороку явиться*» [2: 30]

Мульки – малыши. «*Иди тогда с мульками играй в гнилушки*» (стр.240)

Надсадиться – делать что-либо с чрезмерным напряжением сил;

стараться изо всех сил, надрываться. «*Теперь вот надсажаются небось!*» (стр. 44)

На развязях – развязно, бесцеремонно. значение «пьяный»: «*Васенья... продолжает кричать, что дядя Левонтий явится на развязях, потому как на известковом сегодня получка*» (стр. 234)

Нетель – молодая, ни разу не телившаяся корова. «*Бабушка выменяла эту машинку у ссыльных на городской пристани за годовалую нетель, три мешка муки и кринку топленого масла*» (стр. 92)

Облизень – (от глаг. *облизываться*) .о ком-либо много облизывающемся. «*Да на уж, облизень! (о собаке)*» (стр. 167)

Обочь – в стороне, сбоку. «*Обочь дороги все росло как попало*» (стр. 98)

Обрадеть – обрадоваться. «*Обрадел, должно, дед при таком расфуфыренном внуке*» (стр. 106)

Обстрекаться – обжечься. «*Пока нашли мы с бабушкой в жалище заворину, пообстрекались оба*» (стр. 207)

Огородина – ы, ж. Овощи, произрастающие в огороде. «*... в застолье ... сидели твердо середь работников, ели хлеб и огородину, свои трудом добытую*» [2: 18].

Одер – 1. Изнуренная, тощая (обычно) старая лошадь. 2. О тощем, нескладном человеке. «*Спишь! Дрыхнешь, старый одер!*» (стр. 133)

Ополоски – вода, оставшаяся после ополаскивания, мытья в ней чего-либо. «*Если ополосками поить, тогда конечно!*» (стр. 47)

Ополье – я, ср. Ополосок. Данное слово имеет несколько значений: 1) участки земли на краю поля, огорода, неудобные для обработки и в силу этого неурожайные; 2) неурожайная глинистая земля; 3) сено с большим количеством бурьяна и сорных трав.

Однако текст произведения не позволяет точно установить значение рассматриваемого слова.

Опорки – мн. 1) Валенки или сапоги с обрезанными голенищами;

2) Полусапожки; 3) Онучи; 4) Домотканые портянки из овечьей шерсти.

Текст произведения, в котором был зафиксирован диалектизм, не позволяет полностью определить конкретное значение многозначного слова *опорки*: «Возле дощатой калитки оставлены опорки» [2: 50].

Осенесь – осень. «Еще в школу осенесь пойдет, я уж ему сумку сшила, как городскому» (стр. 164)

Остожье – остатки сена, то что осталось от стога. «Я помаячил Алешке, чтобы он принес из старого остожья сена.» (стр. 160)

Отводима – см. отводы. Часть саней, украшенная чем-либо. «... верба сорила пух, по березняку, ободранному отводинами саней... пролегла дорога...» [2: 39].

От приверхи – сверху. «Под вечер мужики... отбыли на двух лодках к острову, чтобы от приверхи его сделать первый замет сетей» (стр. 215)

Отпушить – отругать. «В одном доме промолчат, в другом огрызнуться, в третьем, глядишь, и отпушат бабушку, генералом обзовут» (стр. 167)

Охвостье – прелое сено. «Прелое было сено, охвостье» (стр. 160)

Панок – бабка м.р. «Ребятам приваливала долгожданная утеха – вареные кости ног, среди которых природа поместила бабки – панка и рюшку» (стр.233)

Папуха – связка табачных листьев. «Дед стоял на коленях под дощатым козырьком и рубил в корыте папухи табак.» (стр. 105)

Паренка – и, ж. Блюдо пареных овощей. «... тянуло ... коровьим пойлом и брюквенными паренками» [1: 48].

Пехало – приспособление для чистки снега. «Мы с Алешкой пехалом выталкивали снег со двора...» (стр. 43)

Пикульки – мн. Свистульки. «Выбирают таловые прутья, на вязанья резанные, пикульки из прутьев мастерят, дуют, свистят» [2: 37].

Плишки – птицы. «Плишки почикивают, осы под застрехой гудят, бревна вперегонки по воде мчатся» (стр. 115)

Подбой – то, что подбивают подо что-нибудь, подкладка. «У Караульного быка – белый подбой, а ниже темнела полынья.» (стр. 128)

Подойница – специальный сосуд, в который доят молоко, дойник. «Минут через десять Августа мчалась уже с подойницей под навес...» (стр. 214)

Поельцовать – рыбачить, ловить ельца. «В ночь поельцовали бы...» (стр. 213)

Покуль – покуда. «Покуль ее лупишь, потуль и везет!» (стр. 44)

Поло – пусто. «Глядите, люди добрые, как у нас ворота расхабарены! Дивуйтесь! Поло! Кругом поло! У тебя поло-то! У тебя!» (стр. 206)

Полозница – ы, ж. Зимняя повозка на полозьях; сани. «Руки мои в заледенелых варезках застучали о твердую полозницу» [1: 34].

Посейчас – до настоящего времени, до сих пор. «Бабушка и посейчас напускала на себя суровость, чтобы сыны ее и дочери не забывали, кто она и что она» (стр. 213)

Поскотина – 1. Пастбище, выгон, непосредственно прилегающие к деревне и со всех сторон огороженные изгородью. 2. Изгородь вокруг такого выгона.

В тексте анализируемого произведения значение слова установить невозможно: контекст не конкретизирует значение многозначного слова. «Возле поскотины клонились к земле рябенькие кукушкины слезки» (стр. 75)

Посудник – а, м. Шкафчик или полка для посуды. «Августа убрала пайку в посудник» [1: 49].

Потребилровка –магазин (от потребитель). «Кое-где играли ребятишки, шли в потребилровку женщины» (стр. 95)

Потуль – потуда. «Покуль ее лупишь, потуль и везет!» (стр. 44)

Припечек – а, м. Боковой выступ в русской печи для просушки носильных вещей. «Августа стояла, уткнувшись лбом в белёный припечек» [1:51].

Приступок – (пристубок) – а, м. 1. Небольшой выступ вдоль боковой

стены, русской печи, использовавшийся как ступенька для подъема на печь;
 2. Настил из досок вдоль боковой стены русской печи, использовавшийся как лежанка, «место для просушки вещей». В.П. Астафьев в тексте использует слово приступок в первом из указан их значений: «... *Капа по приступке взобралась ко мне на печь*» [1: 50].

Прясло – а, ср. Данное слово в словаре дается как многозначное: 1) Изгородь из жердей, досок, укрепленных горизонтально между вбитыми в землю столбами, кольями. 2) Основа забора, представляющая собой столбы и колья с прикрепленными к ним слагами. 3) Жгут из соломы, которым перевязывали снопы.

Однако контекст, в котором фиксируется диалектизм в произведении В.П. Астафьева, не раскрывает значение характеризуемого слова: «*По чуть приметной ложбине вода иными вёснами проникала под жерди заднего прясла...*» [2: 7]. Однако автор, давая дефиницию слова, указывает, что пряслом в их местах называют жердь в изгороди: «*А сейчас вот распахнули ворота, прясла разобрали – ходи сколько хочешь*» (стр.117)

Расклевить – раздеть, распеленать. «*Бабушка сквозь землю и то зрящая, прикрикнула: «Расклеви парня-то»*» (стр. 211)

Распадок. Данное слово многозначно: 1. Мелкая ложбина, а также небольшая боковая, выходящая в главную в Восточной Сибири. 2. Длинный овраг, балка.

В тексте повести у рассматриваемого слова определяется значение «овраг»: «*Слева от дороги был распадок, и в нем темнели ельники, а в гуще их глухо шумел, засыпающий на лето поток*» (стр. 96)

Распушить. Для семантики представленного слова характерна многозначность: 1. Растеребить, расчесав и т.п., сделать пушистым. 2. Разбранить, отругать.

В повести мы определяем у данного слова значение «отругать, накричать»: «*...мать прибежит, бывало, на паашню, распушит и девок и парней за нерадивость*» (стр. 212)

Расхабарить – открыть настежь. «*Глядите, люди добрые, как у нас ворота расхабарены! Дивуйтесь! Поло! Кругом поло! У тебя поло-то! У тебя!»* (стр. 206)

Рушник – полотенце. «*Я долго и очень тщательно утирался рушником, то и дело содрогаясь от все еще не прошедших всхлипов»* (стр. 80)

Рюшка – ж.р., в городках бабка: разновидность кости. «*Ребятам приваливала долгожданная утеха – вареные кости ног, среди которых природа поместила бабки – панка и рюшку.»* (стр.233)

Садовка. В словаре русского языка данное слово отмечено в двух значениях: 1) Плоды фруктовых деревьев и ягодных кустарников, растущих в саду; 2) Плод фруктовых деревьев и ягодных кустарников, растущих в саду.

Однако контекст произведения позволяет иначе определить значение слова *садовка* - семенной материал лука отборных сортов: «... не из садовки, из сеянца здесь выростали луковицы в кулак величиной» [2: 32].

Сам – хозяин. «*Сам уехал в город с дровами»* (стр. 140)

Сарана – ы, ж. лесное растение, луковицы которого съедобны. «*Мы научили его [учителя] добывать и есть корни саранок...»* [2: 335]. «*Мы научили учителя копать и есть корни саранок, жевать лиственничную серу, различать съедобные цветки и травы, тотыскивать беличьи гайна...»* (стр. 143)

Свайка – игра. «*И все они будь то игра в бабки, в чижа, в солону, в лапту, в городки, в свайку, в прятки – требовали силы, ловкости, терпенья»* (стр. 232)

Светлица – ы, ж. 1) в старину светлая парадная комната в доме. 2) Чистая половина крестьянской избы, дома 3) Чистая, светлая жилая комната в доме.

Седуха – и, ж. Подушка, используемая как мягкое сиденье на стул. «*А нет – сиди, как сапожник жеребцов на вытертой седухе и починая обулки – тоже промысел»* [2: 75] стр.

Сенки – нежилая часть дома, сени. «*Бабушка встретила нас еще в*

сенках.» (стр. 44)

Середняя – часть избы деревенского дома перед печью. «*Санька находился среди ребятни, которая стояла на головах в горнице и в средней»* (стр.123)

Середь – посередине. «... *дети сидели твердо середь работников...*» [2: 18].

Солона – игра. «*И все они будь то игра в бабки, в чижа, в солону, в лапту, в городки, в свайку, в прятки – требовали силы, ловкости, терпенья»* (стр. 232)

Спроворить – быстро приготовить (от слова проворный). «*Я бы вам такое жарезо спроворила!*» (стр. 213)

Стайка – загон для скота. «*Иди стайку чистить и ори там сколько хочешь!*» (стр.42)

Стрекалась – стрекануть сов. перех. Обжечь чем-либо колющим, жгучим. «... *мелколистая жалица - летунья зудливо стрекалась»* [2:9].

Студень – холодец. «...*потом, когда захрястнет студень – отрад души, накормить им семейство, угостить дорогую соседку Катерину Петровну, деда Илью, чтобы они похвалили за умение и ловкие руки»* (стр. 235)

Студено – холодно. «*Домовой в мохе весь, серый, дрожьмя дрожит – студено ему»* (стр. 72)

Сусек – полка. «*Упряг этот отмечен двумя брюквами, лежащими по ту и по другую сторону продолговатого сусека»* (стр. 82)

Считаться – браниться (о женщинах). «*Не встречал я людей на свете, кроме бабушки и тетки Авдотьи, которые бы так люто «считались», как называют у нас бабью перебранку»* (стр. 206)

Тесина – одна доска теса. «*Тесины под нами ходуном ходили»* (стр. 49)

Турманом – очень быстро, мгновенно. «*Курица оттеда турманом летела!*» (стр. 114)

Увал – крутой склон. «*Тогда пошли мы с Санькой на увал и начали*

кататься...» (стр. 132)

Удозорить – выследить. *«Я все едино тебя удозорю и натычу, и натычу»* (стр. 408)

Унырыши – глубокое место. *«Здесь... имелся унырыши, только еще глубже, провальней.»* (стр. 163)

Упруг – норма. *«Упруг этот отмечен двумя брюквами, лежащими по ту и по другую сторону продолговатого сусека.»* (стр. 82)

Устряпаться – выпачкаться. *«Матушки мои! А устряпался-то весь, как поросенок!»* (стр. 86)

Утресь – утром. *«Утресь зашью, спите!»* (стр.567)

Целик – тропинка, протаптываемая в снегу. *«В Манской речке версты две целик протаптывали»* (стр. 294)

Чищенка – овраг, яма. *«Обочь дороги, в чищенках...все росло как попало»* (стр.98)

Шаньга – ватрушка. *«Хлеб нарезал, шаньги картофельные из мешка вынул, простокваши две кринки выставил.»* (стр. 208)

Швырковый – швырок – короткие дрова для топки печей. *«Вчера утром обнаружил у своего порога воз дров, сухих, швырковых»* (стр. 140)

Шуга – куски снега и льда. *«По реке шугу тащило...»* (стр. 128)

Семантические диалектизмы

Бабки – игрушки, делающиеся из костей крупного рогатого скота. *«Ребятне приваливала долгожданная утеха – вареные кости ног, среди которых природа поместила бабки – панка и рюшку»* (стр.233).

Вехи – столбы около дороги. *«Скоро наступит пора прорубать зимник – выйдут мужики с пешнями, топорами, вывезут вершинник и ветки, а там, где взъерошилась река, пробьют в торосах щель, пометят дорогу вехами...»* (стр.31)

Зачать – начать. *«Самогонку пить зачнут, луку, огурцов да картошек напрутся и ночью себя некультурно вести станут...»* (стр. 131)

Колода – кухонная посуда, емкость для чего-либо. «... к празднику забивалось много скота, варились корыта, ушаты, колоды, тазы студня...» (стр. 233)

Надбровник – надбровье – часть лба над бровями; надбровные дуги. В тексте повести В.П. Астафьева мы определяем другое значение, развившееся на основе метафорического переноса, – «дуга над воротами»: «Дедушка распахивает ворота, машет, чтобы мы пригнулись, иначе сшибет надбровником ворот» (стр. 43)

Натыкать – воткнуть в каком-либо количестве. В тексте повести определяется иное значение рассматриваемого слова – «ударить»: «Я все едино тебя удозорю и натычу, и натычу» (стр. 408)

Пойло – а, ср. 1) Приспособление, в которое закладывается корм для животных; 2) Жидкость для поения коров.

«... слабенько тянуло чадом из только что закрытой русской печки, коровьим пойлом и брюквенными паренками» [2: 48].

Повилика – и, ж. Травянистое растение вьюнок полевой.

Сеянец – а, м. Семя, саженец. «... не из садовки, из сеянца здесь выросли луковоцы в кулак величиной» [2: 32].

Сруб – а, м. Глубокая яма с отвесными стенками, служащая для добывания воды; колодец. «Девочки хозяйничали в заброшенном срубе...» [2: 40].

Фонетические диалектизмы

Ат – вот. «Ат смышленыш! Ат тебе и безъязыкай!» (стр.212): «Ат жись! Ат че деется!» - «Вот жизнь! Вот что делается» (стр.158).

Благословесь – благословясь. «Капусту завтра убирать благословесь начнем» (стр.118)

Восподи – господи. «Восподи, баслови!» (стр. 164) В этом выражении, зафиксированном в тексте повести, несомненно, отражена особенность устной разговорной речи с характерной для нее трансформацией звучащего

слова. Однако в первом элементе, на наш взгляд, мы отмечаем произношение, характерное лишь для како-то определенной местности.

Ись – есть. «*Рот болит, а брюхо ись велит.*» (стр. 236)

Ковды – когда. «*Ковды околеешь?*» [2: 41].

Ослобонить – см. освободить. сов. перех. Освободить. «*Ковды ослобонишь меня, несчастну-у-у!*» [2: 41].

Оттеда – оттуда. «*Курица оттеда турманом летела!*» (стр. 114)

Пауты – мн. пауки. «*Мошка жрет, пауты пулями бьют, комар своего тоже не упустит, к вечернему сороку явиться*» [2: 30].

Почиликивать – чирикать. «*Плишки почиликивают, осы под застрехой гудят, бревна вперегонки по воде мчатся*» (стр. 115)

ПРИЛОЖЕНИЕ II. Конспект урока по русскому языку в 6 классе

Тема урока: «Диалектизмы»

Цели урока:

- познакомить учащихся с диалектной лексикой;
- развивать умение определять лексическое значение диалектных слов;
- развивать навыки работы с толковыми словарями;
- показать на примерах литературных произведений роль диалектных слов в речи;
- обогащать лексический запас учащихся;
- воспитывать интерес к родному языку, любовь к своему краю.

Планируемые результаты:

- знание учащимися понятия *диалектизмы*;
- умения пользоваться толковыми словарями, объяснять языковые явления;
- развитие мотивации к аналитической деятельности.

Тип урока: урок изучения нового материала.

Оборудование: учебник; лингвистические словари, карточки.

Ход урока

I. Организационный этап.

II. Проверка домашнего задания.

1. Упражнение 116 – обсуждение с учащимися примеров употребления профессионализмов.

2. Сообщения учащихся о профессиональной лексике.

III. Повторение изученного.

Беседа с учащимися.

- Что изучает лексика?

- Какие слова мы называем общеупотребительными? Приведите примеры.

- Назовите общеупотребительные слова, которые вы выделили в домашнем упражнении.

- Назовите необщеупотребительные слова, выписанные вами.

IV. Самоопределение к деятельности учащихся.

(Обсуждение вопроса рубрики «Материалы для самостоятельных наблюдений».)

- Почему мальчик не понял бабушку?

- Какие задачи мы поставим перед собой на уроке?

(Познакомиться со словами, которые употребляются только в определённой местности, научиться определять лексическое значение этих слов.)

V. Усвоение новых знаний.

Слово учителя.

- Ребята, русский язык неповторим и богат. Иван Сергеевич Тургенев назвал его великим, правдивым, свободным и могучим. И это действительно так. Наш язык поражает многообразием и богатством, точным выражением звуков, образов. Сколько удивительных, самобытных слов в русском языке, которых нельзя найти в словаре и которые сохранились в живой речи наших прабабушек.

В русском языке есть такие слова, которые используют жители той или иной местности. Например, в речи жителей нашего села или нашей области.

К уроку вам было дано опережающее задание: понаблюдать за речью ваших бабушек, прабабушек, записать непонятные вам слова, которые они в своей речи употребляют.

(Дети называют слова и поясняют их значение:

завеска- фартук;

казюля – змейка;

вечереть – ужинать;

рели – качели;

кочет – петух

запуска – ряженка.)

- Названные вами слова называются местными или диалектными.

Это и есть тема нашего урока. (Запись на доске.)

Словарная работа.

Слово *диалект* пришло к нам из греческого языка и означает «наречие», «говорить, изъясняться».

Диалектные слова используются преимущественно устной речью.

Диалект – это устная разговорно-бытовая речь жителей определённой местности (обычно сельской), часть общенародного языка. Говор – единица диалектного деления языка. Например, говор села Ястребовки Мантуровского района Курской области, тамбовские говоры, рязанские и т. д. Говоры объединяются в наречия (северное и южное). Для говоров южного наречия свойственно акающее произношение. В нашей Курской области именно так и говорят. А для говоров северного наречия характерно оканье. Есть среднерусские говоры (между северным и южным наречиями).

Народные говоры называют свидетелями русской истории, потому что они сохранили названия предметов быта крестьян, орудий труда, одежды, пищи.

Различают несколько типов диалектизмов. Лексические диалектизмы – это слова, которые отличаются от общеупотребительной лексики и по форме, и по своему значению. Например, *гутарить* – *говорить*, *намедни* – *на днях*, *инда* – *даже*.

Диалектное слово может отличаться от общеупотребительного только значением. Например, словом *верх* в некоторых южных говорах называют овраг, а глагол *жалеть* используется в значении «любить».

- Прочитайте определение диалектных слов в учебнике.

Работа с толковым словарём учебника.

-Ребята, а как понять, какие слова в словаре относятся к диалектным?

- Чтобы найти диалектизм, нужно обращать внимание на пометы, которые даются после слова: *обл.* (т.е. областное).

- Найдём в толковом словаре учебника диалектные слова и прочитаем их.

- Словарные статьи двух любых диалектных слов запишите в тетрадь.

- Существуют также специальные диалектные словари, или словари русских народных говоров. Самый известный из них – “Толковый словарь живого великорусского языка” Владимира Ивановича Даля, который собирал в разных уголках нашей Родины диалектные слова (Показать словарь).

Сообщения учащихся о В.И. Дале. (Индивидуальное задание.)

VI. Закрепление изученного материала.

Работа по учебнику.

1. Упражнение 117 – чтение текста, работа с диалектными словами, графическое объяснение правописания слов с орфограммами.

- Назовите диалектные слова-названия ветра.

2. Упражнение 118 – устное выполнение.

3. Работа по карточкам.

- Распределить слова в два столбика: общеупотребительные и диалектные.

Петух, кочет, рушник, полотенце, завесы, шторы, качели, рели, кажи, говори, кликать, звать, нехай, пусть, ведро, цибарка, ночвы, корыто.

- С любой парой слов составить простые распространённые предложения.

Проверка выполнения задания.

Слово учителя.

- Ребята, диалектизмы очень часто используются в произведениях художественной литературы как выразительные средства – для речевой характеристики персонажей, для передачи местного колорита, обозначения некоторых вещей, понятий.

В повести известного русского писателя Виктора Петровича Астафьева «Последний поклон» читаем такие строки:

“Мы проходили середину реки, самую стремнину. Называют её стрежнем, селезнем, зерлом, стрелкой, струной и еще как-то, не вспомню. Но слова – это все какие – одно другого звучнее.”

- Какие диалектизмы использует здесь автор?

- Давайте найдём данные слова в толковых словарях и прочитаем словарные статьи, объясняющие значения этих слов. (Работа с толковыми словарями.)

- Действительно, невозможно не согласиться с писателем. Слова эти яркие, звучные, образные и точные.

Самостоятельная работа.

- Ребята, прочтите ещё один отрывок из повести «Последний поклон». Найдите диалектизмы. Попробуйте объяснить их значение.

Мелкая скотина загнана во дворы. Коров подоили и отпустили в ночное, чтоб овод не одолевал. За поскотиной слышалось грубое бряканье ботал и тилилюканье колокольцев. За заплотом нашего двора, под навесом, зашевелились куры, одна упала с насеста, пробовала закудаhtать, но петух угрюмо на нее прорычал, и сонная курица, не решаясь взлететь, присела на землю. Не загнал я куриц в стайку, пробежал, завтра гляди да гляди - в огород заберутся, яйца в жалице снесут.

Поскотина – это “место, где пасется скот”;

бо'тало – “большой колокольчик, привязанный к шее пасущихся коров”;

тилилюканье – «звон, бречание»;

заплот – “забор возле дома”;

стайка – “хлев для мелкого скота и птицы”;

жалица – “крапи'ва”.

- Скажите, легко ли вам было понять значение этих слов? Почему?
(Потому что эти слова не являются общеупотребительными, а используются в речи жителями определённой местности.)

- Вы правы. Данные слова не характерны для нашего края. Это говор жителей сибирских сёл и деревень, а в центре внимания творчества Виктора Петровича Астафьева как раз и была жизнь современной сибирской деревни.

- Внесите эти диалектные слова в свой «Словарик».

- Как вы считаете, какова роль местных говоров в русском языке?

(Местные говоры обогащают литературный русский язык, делая его самобытным, ярким.)

VII. Подведение итогов урока.

- Что нового вы узнали сегодня на уроке?

- Объясните значение терминов *диалект*, *диалектизм*.

- Как найти диалектизмы в толковых словарях?

- Какова роль диалектных слов в произведениях художественной литературы?

Какие виды деятельности на уроке, с вашей точки зрения, были интересными? Что вызвало затруднение?

- Что вы можете сказать о качестве урока? Достигли мы поставленной цели?

Заключительное слово учителя.

- Ребята, сегодня вы пополнили ваш словарный запас диалектными словами, которые, к сожалению, постепенно уходят из нашего обихода. Поэтому наша задача – сохранить этот интереснейший пласт лексики русского языка.

Домашнее задание.

1. Учебник: п. 24.

2. Придумайте небольшой текст, используя диалектные слова.